

Анхель де КуатьЭ

Об Анхеле де Куатьэ

Его книги издаются миллионными тиражами, а мы до сих пор не знаем, кто он. Журналисты просят об интервью, офис издательства завален письмами, каждый день раздаются телефонные звонки: «Кто автор?», «Правда ли то, что он пишет?», «Когда появится следующая его книга?» Издателю и самому хотелось бы знать... Но все это время автор ограничивался лишь предоставлением рукописей и отказывался от комментариев. Он искренне уверен, что его книг вполне достаточно, а все остальное — лишнее.

И все же он пришел. Пришел, чтобы ответить на наши вопросы. Почти восемь часов автор беседовал со своим издателем один на один...

Анхель де Куатьэ — о себе, о жизни и о своих книгах.

С того самого момента, как мне в руки попала первая книга Анхеля де Куатьэ, я искал возможность поговорить с ним. Это вполне естественное желание то тлеет во мне слабой надеждой, то превращалось в настоящую одержимость. Почему я так настойчиво добивался этой встречи? Наверное, нет смысла объяснять. Сотни тысяч читателей Анхеля де Куатьэ поймут меня безо всяких объяснений.

Очевидно, что автор — личность незаурядная. И мне ужасно хотелось познакомиться с ним, узнать его ближе. Сопоставить воображаемый портрет с оригиналом. С другой стороны, когда читаешь произведения Анхеля де Куатьэ, трудно отделаться от мысли о достоверности его рассказа. Правда ли то, о чем он пишет? Наконец, меня мучил вопрос — почему автор так настойчиво сохраняет свое инкогнито? Какой в этом смысл?

Сотни раз я прокручивал в голове нашу возможную встречу. Сотни раз представлял себе, как это будет происходить. Что я спрошу, что он мне ответит, как будет реагировать... В конце концов, читатели хотят знать! К чему прятаться? Почему не развеять все слухи и домыслы? Его книги интересны, они захватывают, завораживают, не перестают удивлять... Конечно, мы нуждаемся в ответах. Конечно!

Я просил Анхеля де Куатьэ о встрече. При любой возможности, самыми разными способами, несчетное количество раз. Но мои просьбы всякий раз оставались безответными. В какой-то момент мне даже пришла в голову мысль нанять детектива и провести частное расследование... Но я убедил себя в том, что это неправильно. И только я оставил эту идею, как вдруг на одно из моих многочисленных обращений — от подчеркнуто почтительных до почти резких — пришел ответ:

Уважаемый Издатель!

Я готов встретиться с Вами. Но прежде попытайтесь ответить себе на вопрос: чего именно Вы ждете от нашей встречи? Вероятно, у Вас есть тысяча причин, которые, если Вас попросить, Вы назовете с легкостью. Но, пожалуйста, не торопитесь с ответом, подумайте. Тысяча причин — это отсутствие причины. Какова Ваша причина?..

Анхель де Куатьэ

Мне трудно передать свои чувства после прочтения этого письма. Я был шокирован. Тысяча причин — это отсутствие причины. Так и есть. У меня тысяча причин, но нет одной-единственной, настоящей. Какова же она?!

Я мечтаю о встрече с человеком, но думаю о нем, как о заморской диковинке, как о вещи. В моей заинтересованности есть что-то от разинутого рта циркового зрителя: «По улицам слона водили, как видно напоказ...»

Я приглашаю Анхеля де Куатьэ не на встречу, а на допрос. В этом правда. Я хочу его попытать, выяснить, разузнать то, другое. Составить мнение, удовлетворить свое любопытство и — успокоиться.

Но разве он заслужил такого к себе отношения? Кто дал мне право глазеть на него, тыкать пальцем и спрашивать: «А что это? А вот это? А это зачем?» Как я не понимал до сих пор, что это унижительно! И он вовсе не обязан терпеть подобного *разглядывания*.

И в конце концов, это он радует меня своими книгами, его книги стали определенным этапом в моей жизни, благодаря ему я многое понял, многое увидел, многое почувствовал, о многом задумался. Это я его должник, а вовсе не он — мой.

В эту секунду я почему-то вспомнил свою последнюю поездку в Рим. Мы были в Соборе Святого Петра — величественном, странном, загадочном, В самом сердце католического мира. Намоленное место, земля под которым обогрета кровью христианских мучеников. Именно здесь располагался цирк Нерона, где сотнями гибли люди. Именно здесь был распят апостол Петр — чудовищно, жестоко, головой вниз...

И знаете, о чем рассказывала нам экскурсовод? Вы не поверите. Она говорила о высоте и диаметре купола, о протяженности базилики, о тоннах затраченной на декор бронзы, о кубометрах мрамора, израсходованного с той же целью, о количестве сусального золота, о погонных метрах фресок, о числе живописных полотен и числе захороненных пап, о сумме, выплаченной за исполнение витражей, о сроках строительства, о...

Члены туристической группы были в восторге. Рассказ экскурсовода, казалось, задел их за живое. Необычайно увлекательно! По городу слона водили, как видно — напоказ.

И мне стало стыдно. Мне стало невыносимо стыдно за это свое стадное гиканье: «Автора! Автора!» А что если автор просто не хочет? Не хочет предъявлять себя публике, не хочет торговать лицом на телевизионных экранах (с задней мыслью повысить тиражи своих книг), не хочет вступать в дискуссии, в обсуждение, отвечать на критику.

Что если он просто пишет книги? Просто пишет. Для тех, кому это близко. Для тех, кому это важно. Для тех, кто видит в его книгах чуткое сердце и светлую душу. А вовсе не для тех, кто пролистывает «модного автора», чтобы в очередной раз потренировать свою едкость, извительность, высокомерие и пустую эрудицию. И я отправил ему письмо:

Анхель!

Я хочу извиниться перед Вами за мою настойчивость. Хотя, наверное, Вы и не ждете от меня никаких извинений. Зачем они Вам? Но все же — простите меня. Мне, право, очень неловко.

В своем письме Вы спросили меня — знаю ли я, зачем ищу этой встречи? Вы были правы, у меня тысяча причин. И нет ни одной, которую бы я мог считать единственной, настоящей.

Это абсолютно беспричинное желание. У меня нет никаких оснований настаивать на нашей встрече. Простите меня. Я очень благодарен Вам за Ваши книги. И искренне желаю Вам счастья и Света!

Ваш Издатель

Разумеется, я не рассчитывал на ответ. Теперь я видел ситуацию совсем в другом свете. Я понял, как это было пошло и бестактно с моей стороны: требовать от человека встречи на том единственном основании, что мне это нужно. У нас нет прав на другого человека. Другой — он *Другой*. Он по-своему видит мир, у него свои желания, свои интересы. И если ему чего-то не хочется, мы не имеем права настаивать. А объективных причин... Объективных причин требовать от Анхеля де Куатьэ встречи у меня не было.

И мы встретились уже через несколько дней.

— Простите, что не пришел сразу, — он пошел в кабинет и направился прямо ко мне, протягивая для приветствия руку. — Не хотел чувствовать себя, как на допросе. Мне кажется, ничего предосудительного я не сделал... Здравствуйтесь!

Я встал, ошарашенный внезапным появлением Анхеля де Куатьэ в своем кабинете, пожал ему руку и машинально предложил сесть в гостевое кресло у журнального столика. Все, что я видел в эту секунду — его внимательные, грустные глаза, которыми он смотрел буквально внутрь меня, и добрую, располагающую улыбку.

— Да, не сделали... — проговорил я. — Здравствуйте!

Повисла пауза. Мой гость осматривался.

— Я могу называть вас Анхелем? — спросил я.

Я поймал себя на том, что слишком долго и слишком пристально смотрю на него. Он рассмеялся — тихо и весело.

— Да, конечно, — и кивнул головой.

— А я ваш издатель... — суетливо представился я и смутился.

Это представление еще больше развеселило моего гостя. Наверное, оно выглядело ужасно глупо. Но я был так растерян и взволнован! Наша встреча состоялась уже после того, как я потерял всякую надежду поговорить с ним. А он словно бы ждал, что мой грубый хищный азарт пройдет. И потом, словно почувствовав это, тут же ответил на приглашение. Как в творческом завещании Ницше: «И когда вы откажетесь от меня, я приду к вам».

— Я знаю, — ответил он. — И очень вам благодарен.

Прошло еще несколько секунд. Я продолжал беспомощно молчать.

— Я догадываюсь, о чем вы собираетесь меня спрашивать, — сказал Анхель. — Я отвечу на все ваши вопросы. Но чуть позже, а сейчас...

И Анхель рассказал мне о том, о чем я сам никогда бы не спросил. Просто не догадался бы — настолько эта информация перевернула мое представление о нем как о человеке. О живом и замечательном человеке, которого, к своему стыду, я уже поспешил назвать в прессе «феноменом Куатьэ».

— Знаете, — начал Анхель, — каждому человеку от рождения дан талант. Это Божий дар. Бог наделяет каждого из нас личной уникальностью, какой-то особенностью, чертой, которой нет больше ни у кого другого, только у нас. Это как Божья отметина. Но немногие знают о своем даре. И лишь единицы способны реализовать его в полную силу. Вы знаете о своем даре?

Я не понял вопроса:

— О моем даре? Что вы имеете в виду?

— У вас дар, — Анхель уверенно качал головой, подтверждая сказанное. — У вас особенный дар чувствовать книгу.

— Не знаю, — я смутился. — Просто я люблю хорошие книги.

— Вам кажется, что вы просто любите хорошие книги, — рассмеялся мой собеседник. — Но неужели вы думаете, это случайность? Нет. Вы не «просто любите хорошие книги». Вы испытываете благоговейный трепет, когда берете в руки *настоящую книгу*. Радость прокатывается по душе, словно теплый ветер по цветущему полю. Это как романтическое свидание. Вы сосредоточены. Сознание становится ясным-ясным. Вы ощущаете книгу *физически*. А еще, если вас спросить, вы не задумываясь скажете, что книга — это произведение искусства, которое ни с чем более не сравнится. Ни с музыкой, ни с живописью, ни с театром. И в своем детстве вы знали это так же хорошо, как и теперь. Может быть, даже лучше.

Я был поражен. Все, о чем рассказывал мой собеседник, — о моих ощущениях, о моих переживаниях, даже о моем детстве — было правдой! Действительно, сколько я себя помню, книги всегда были для меня чем-то священным, даже сакральным. И до сих пор каждая книга обладает для меня своей аурой. Причем я чувствую ее еще до того, как начинаю читать.

— Не смущайтесь. У каждого человека есть свой талант, свой дар. Кто-то одарен талантом *видеть* красоту. Он воспринимает ее как никто другой — особенно, лучше и глубже остальных. Чувствует радугу цвета, понимает игру света и тени, улавливает магию пропорций. Кто-то другой наделен свыше особенным даром чувствовать музыкальную гармонию. Третий особенно мыслит, например образами. Четвертый — так же особенно, но абстракциями. Пятый — знаками и символами. Шестой обладает потрясающей способностью замечать детали, нюансы,

подробности — в делах, отношениях, работе, в чувствах. Седьмой, наоборот, слеп к деталям, но зато способен увидеть целостную картину всего лишь по двум-трем штрихам. Какой-то дар есть у каждого.

— Да, но если бы вы были правы, то весь мир состоял бы из успешных людей. Из гениев! А это, мягко говоря, не совсем так, — возразил я. — На самом деле, талантливых людей — единицы.

— Нет, — помотал головой Анхель. — Все талантливы. Без исключения. Но для воплощения таланта нужны средства — дополнительные способности, навыки. Вот вы, например. Вы любите и чувствуете книги. Но кроме того, вы еще и хороший менеджер. Вы способны организовать производственный процесс и понимаете массу других «технических» вещей. А теперь представьте себе, что у человека есть музыкальный дар, но нет нужной для игры на музыкальных инструментах мышечной моторики. Или например, неудачно устроены голосовые связки. Или, может быть, он физиологически не способен преобразовывать звуки в знаки, а знаки — в звуки, то есть использовать ноты. И как тогда ему быть с его даром? Куда податься?.. Он со своим чувством гармонии никому не нужен.

— Да... — сообразил я. — Кажется, я понял. Вы хотите сказать, что у человека может быть особенный дар видеть красоту, но, например, отсутствует физиологическая основа для рисования или черчения?

— Для других людей такой художник — суцая бездарность, — подтвердил Анхель.

— Но ведь он может стать гениальным искусствоведом? — предположил я.

— А если у него нет способности к систематизации и анализу? — пожал плечами Анхель.

— Коллекционером. Вариант?

— А финансы...

— Тогда экскурсоводом?

— Нужна способность держать внимание аудитории...

— Получается, что только гениальным зрителем?

Я задумался. Действительно, наше общество ценит навыки, а не одаренность. Художник, который ладно рисует, обществу выгоднее, чем художник, который гениально видит, но не умеет передать на холсте. Нас ценят за *полезные навыки*, за то, как, насколько и с какой «прибавочной стоимостью» нас можно использовать в «производственном процессе». А священный дар, о котором говорит Анхель, снисходит свыше. И он никак не связан ни с «профессиональной ориентацией», ни с «прибавочной стоимостью», ни с «производственным процессом». Это особенность *духовного свойства*.

— Он должен быть гениальным зрителем. — Сказал Анхель.

— «Важно не содержание твоего задания, а то, как ты его выполнил», — я процитировал книгу Анхеля «Всю жизнь ты ждала». — Вы ведь об этом говорили?

— Знаете, — покачал головой Анхель, — гениальный писатель и гениальный издатель — ничто, если нет гениального читателя. И если кто-то скажет мне, что первые двое важнее второго, мне ничего не останется, как рассмеяться...

***

— Анхель, а почему вы заговорили об этом «даре»?

— Мир полон ограничений, — Анхель смотрел куда-то в сторону, и было трудно понять, отвечает ли он на мой вопрос, или думает о чем-то своем. — И даже вы — внешне очень успешный человек — не можете чувствовать себя до конца счастливым. Вы любите хорошие книги, да. Это ваш дар. Но разве вы можете издавать только те книги, которые вам нравятся? И

все ли книги, которые вам нравятся, вы можете издать? Нет. На какие-то произведения эксклюзивные права принадлежат другому издателю. При этом возможно, он их не чувствует душой, а воспринимает как некий продукт. А какие-то хорошие книги не пользуются покупательским спросом — не модны, не популярны. Для каких-то книг вы не можете найти должного оформления, потому что вас не понимают художники-иллюстраторы. А если понимают, то хотят вознаграждения, которое превратит эту книгу в «золотую». Продолжать?..

Анхель внимательно посмотрел мне в глаза. Дальше комментировать этот ряд не требовалось. Он попал в самую точку.

— Понимаете, мир полон ограничений, он несовершенен, — сказал Анхель. — Но это еще не вся правда... Мы изуродовали этот мир. Мы. В плане создания он таким не был. Сталкиваясь с трудностями, с препятствиями, многие из нас отказались от своего дара, а по сути — от самих себя. Ведь всегда проще сдаться. Задвинуть свою уникальность в дальний угол и сказать: «Во мне нет ничего особенного. Я — как все. У меня ничего не выходит. Так и должно было быть». Но не бывает человека «как все», а сдаться — значит отказаться от своего предназначения.

И тут я вспомнил слова Данилы, которыми заканчивается «Маленькая принцесса»:

— «Правда в каждом из нас. Вопрос только в том, где мы...»

— Да, это так, — грустно улыбнулся Анхель. — И если хотя бы один человек отказывается от своего предназначения, нарушается общая гармония.

— Общая гармония?

— Да. На самом деле мир задуман идеально. Если бы каждый человек соответствовал своему дару, вкладывал бы всего себя в собственную уникальность, то вся пестрая и кажущаяся бестолковой мозаика жизни сложилась бы в единую и прекрасную картину.

— «Ты нужен», — я процитировал «Исповедь Люцифера».

— Абсолютно верно, «ты нужен», — спокойный голос Анхеля звучал проникновенно и одновременно с этим весомо. — Но мы забыли эту истину. Забыли о своем предназначении. А ведь каждый из нас — частичка мира. Как маленький пазл большой картины. И только все вместе мы можем составить идеальный мир. Если в огромной картине не хватает даже одного пазла, она ущербна. Нужны все, каждый. И поэтому ни один из нас не лучше и не хуже другого. Все одинаково индивидуальны и одинаково важны. Но мы должны соответствовать себе, быть собой, своей индивидуальностью. И когда я говорю — «мы», я имею в виду каждого из нас. Каждого.

— «Зачет по последнему», — я вспомнил «Золотое сечение», и мой голос дрогнул от избытка чувств. — А вы, Анхель? Вы знаете о своем даре? У вас он тоже должен быть...

— Мой дар? — Анхель грустно улыбнулся. — Мой дар — чувствовать чужую боль. Странно, правда? Еще в детстве я удивлял своих родителей. Я всегда знал, как какой человек будет реагировать в той или иной ситуации. Как он отнесется к тому или иному событию, что скажет, что сделает. Я никогда не ошибался. Это знание приходило ко мне из ниоткуда. Оно не было результатом анализа. Я просто чувствовал боль другого человека и понимал, куда она его толкнет в следующую минуту.

— Это, наверное, очень полезный дар, — предположил я.

— Вы думаете? — Анхель повел бровью и отрицательно покачал головой. — С чужим даром всегда проще, чем с собственным. Болельщику понятно, как забить мяч. С этим только у игрока проблемы. Нет, этот дар совсем не «полезный». Долгие годы он приносил мне лишь горе.

— Горе? — я не поверил своим ушам. — Но почему?!

— Когда человек испытывает душевную боль, он видит мир через призму своего страдания. Ему кажется, что весь мир против него. Боль парализует его волю, и хуже того — толкает на глупости. Но когда я чувствую чужую боль, я вижу мир страдающего человека со стороны,

неисказенным. И я понимаю, что выход есть. Я знаю, что нужно сделать, чтобы преодолеть эту боль...

— Ну, так это замечательно! — я все еще не понимал, почему Анхель не рад своему дару. — Вы можете быть полезным. Вы необходимы другим людям!

— Я — да, — согласился Анхель. — Но они меня не слышат. Человек, испытывающий душевную боль, не верит в спасение. В его мире, зараженном болью и страданием, нет выходов. Одни тупики. Долгое время я не понимал этого. Я-то ведь видел выходы! Я знал, как справиться с этой болью. Но люди оставались глухи к моим словам. Они тянулись ко мне, потому что чувствовали — я их понимаю. Но они не принимали моей помощи. Только поддержку...

Постепенно мой мир превратился в мир страдающих людей. С каждым днем, с каждым годом их становилось все больше вокруг меня. Я словно притягивал их в свою жизнь. И продолжал чувствовать их боль, разделять ее с ними, не оставлял попыток помочь. Но все было безрезультатно. Мой дар лишил меня сил. Из меня словно вытянули энергию. Мне казалось, я сойду с ума. Что я делаю не так?

Меня мучила невозможность быть услышанным. Представьте себе — перед вами смертельно больной человек. Он действительно умирает, мучается, страдает... А вы врач и у вас есть лекарство, которое способно вернуть его к жизни. Вы пытаетесь дать ему это лекарство, но он его не принимает. Он то не верит вам, то говорит, что оно горькое, и плюется. А то и вовсе швыряет его вам в лицо, полагая, что вы пытаетесь его отравить. Что вы будете при этом чувствовать?

— Я думаю, это ужасно.

— А если это не один человек, не два, не три, но все, кто вас окружает?.. Человек говорит тебе, что любит. Ты знаешь, что это правда. Но только вот одно «но». Он любит тебя как обезболивающее. Он любит тебя за то, что ты снимаешь его боль. И он говорит, что любит тебя. И даже сам верит в это. Я стал слышать шелест крыльев...

***

— Шелест крыльев? — переспросил я.

— Да, я стал слышать ангела смерти, — ответил Анхель. — Не знаю, как это объяснить... Всякий человек, которому я помогал, терял желание меняться. Он находил меня, получал понимание и поддержку, чувствовал облегчение и переставал что-либо делать. Но я только уменьшал его боль, я не устранял ее причины. С причиной своей боли человек должен бороться сам. Никто не в силах сделать это за него. Она — результат его поступков, его образа мыслей, И получается, я оказывал всем этим людям медвежью услугу.

В какой-то момент я понял, что стал заложником. Я не мог ни уйти от этих людей, ни остаться с ними. Уйти — означало причинить им боль. Остаться — значило не дать им шанса победить ее, измениться, искать и, в конце концов, найти самих себя. Не меня, который помогает им переносить боль, а себя, способных изменить свою жизнь. В моем сердце свил гнездо ангел смерти. Я увидел мир, полный страдания. Мир не моего, но известного, ощущаемого мною страдания.

Мне живо представилось, что было бы, окажись я на месте этих людей. От моего собеседника исходит сила, уверенность, знание. А когда он смотрит тебе в глаза, кажется, что он видит твою душу. Ты словно у него на ладони. И тебе уже ничего не страшно, ты чувствуешь себя защищенным, тебе радостно. Конечно, будь у меня возможность иметь такого друга, я бы чувствовал себя необыкновенно счастливым. Но если разобраться, это ведь игра в одни ворота. Ты получаешь. А он...

— И много их было, этих людей? — спросил я.

— Много? — задумчиво переспросил Анхель. — Очень много. Они ждали от меня чуда. Это было в глазах — если я способен на чудо понимания, почему бы мне не совершить и другое чудо? Почему бы мне не сделать их счастливыми? Они ждали. Они рассчитывали. Они были уверены. Они даже требовали... И я бы сделал. Но как? Это невозможно. Счастье — не одежда, которую можно купить в магазине или пошить в ателье. Счастье — это внутренняя гармония. Добиться ее извне невозможно. Только изнутри.

Я начал осознавать, что не только не приближаю их счастья, а напротив, являюсь препятствием. Удобным, приятным, милым, но препятствием. Я понимал и принимал чужую боль. Это происходило само собой, естественно. Но вместе с болью люди перепоручали мне и ответственность за свою жизнь, за свое счастье. Мне стало стыдно. Все вроде бы правильно, и все как-то не так. Я не понимал — что. И я сбежал.

— Сбежали? — не понял я.

— Да, просто исчез. На время. Я был один — ни телефонных разговоров, ни встреч. Полное одиночество. Бесконечное падение в бездну. Я обогревался огнем. Ел руками. И смотрел на звезды. Ночами напролет я смотрел на звезды. Я завидовал звездам. Я завидовал им, потому что они мертвы. Мертвый не может ни чувствовать, ни ощущать. Это стало моей мечтой — абсолютная бесчувственность, глухая немота. И завораживающий шелест черных крыльев...

Анхель замолчал. Задумался, ушел в себя. Он словно потерял интерес к своим словам. Но мне показалось, что именно сейчас он подошел к самому важному. Мое тело было напряжено, как пружина, — каждый мускул, каждая связка.

— И что?.. Что случилось дальше? — не выдержал я через минуту.

— Дальше?.. — Анхель словно очнулся от забытья, откинулся на спинку кресла и рассмеялся: — Я понял, какой я идиот!

— Идиот? — я даже встряхнул голову, словно хотел убедиться, что не сплю.

— Конечно! Я ведь попался на ту же самую удочку! Если и счастье, и страдание — это результат моих собственных поступков, то почему я виню в своей безысходности других людей? Это ошибка! Просто я неправильно распоряжаюсь своим даром. Да, я чувствую чужую боль. Но что я сделал с этим талантом? Превратил в бремя и муку? Божий дар!.. И я принял решение бороться.

— «Две разные дороги — одна ведет к счастью, другая к страданию. И каждый человек сам выбирает свой путь», — вспомнил я «Учителя танцев».

— Я думаю, большинство людей переживают в своей жизни момент глубокого отчаяния. Когда кажется, что ты упал так глубоко, что дальше некуда. Но именно в этот момент в твоей жизни и может случиться нечто по-настоящему значительное. Земля имеет форму сферы. Если упасть на самое дно пропасти, ты обнаружишь себя на поверхности земли, только с другой стороны. Помните, как в Изумрудной Скрижали Гермеса: «То, что вверху, то и внизу. То, что внизу, то и вверху. И все для того, чтобы Единое было воплощено»...

Конечно, я вспомнил этот отрывок из Изумрудной Скрижали, но разве не лучше об этом сказал мой собеседник в «Дневнике сумасшедшего»?

— Да, помню. Но еще лучше я помню: «Ив Тьме есть Свет, и в Свете — Тьма».

Анхель улыбнулся и продолжил:

— Твой дар — это то, что связывает тебя с Богом. Именно через этот дар ты и получишь Откровение. Через него ты узнаешь жизнь, радость, любовь. Через него тебе откроются тайны бытия — и простое, и сложное. Только ты должен *решить*: «Все в этой жизни зависит от меня. От моих усилий. От моей веры. Моя жизнь — результат моих собственных поступков, моих мыслей и чувств. Бог наделил меня даром. Я должен быть благодарным. Божий дар просто не

может быть в тягость. Он *Божий*. И если я несчастлив, то лишь потому, что отказался от своего дара, то есть от себя, или — я не нашел способа воплотить свой дар, то есть не понял самого себя».

— И тогда, отлучившись от мира, вы поняли?.. Вы поняли себя? Вы нашли способ воплотить свой дар чувствовать чужую боль? — спросил я и вспомнил книгу «Возьми с собой плеть»: — «Все зависит от точки отсчета. Ты или смотришь из своего „я“ или в самого себя».

— Именно, — глаза Анхеля светились. — И я понял тогда много вещей. Я понял, что у каждого из нас есть свой дар. Я понял, что не воплощая его, не занимаясь им, мы обрекаем себя на страдания. И мир не будет совершенным, если наши уникальности не откроются навстречу друг другу. Я понял, наконец, что моя способность чувствовать чужую боль дана мне не для пассивного принятия чужой боли. Само по себе это бессмысленно. У этого дара другая цель, другое предназначение. У меня есть ключ к сердцам, знающим, что такое настоящая боль. Я не должен вмешиваться в жизнь других людей. Но, имея такой ключ, я могу говорить с ними на языке их сердец. Вот и все.

— Все? — я заслушался Анхеля, пропустил мимо сознания последнюю его фразу и растерялся. — В каком смысле — все?

— Теперь я живу, слушая мир, и пересказываю то, что слышу в нем, на языке сердца. Вы же сами постоянно говорили об этом в предисловиях к моим книгам...

— Ах да, конечно! Но что значит — «слушая мир»?

— В этом нет ничего особенного, — улыбнулся Анхель. — Когда ты принимаешь свою уникальность и следуешь своему предназначению, мир сам начинает говорить с тобой. Твой дар — это канал связи с подлинным миром, лежащим по ту сторону видимого...

Я был потрясен. Мы говорили с Анхелем около часа. Казалось, речь шла о самых разных вещах. Но вдруг в какой-то момент все собралось воедино, сложилось в целостную картину. Анхель подвел меня к ней и показал. И я понял, что Скрижали Завета — не выдумка мифического автора. Каждая из них — часть его личного, внутреннего, духовного опыта. Он познал их своим сердцем, поэтому мы и чувствуем, что книги, которые он пишет, идут от сердца.

— Что ж, я рассказал вам все, что считал нужным. Теперь вы можете задать мне любые вопросы. Если «читатель хочет знать» — я хочу ответить.

Анхель де Куатьэ последовательно избегает публичности. На первый взгляд это странно. Большинство авторов, наоборот, стремятся быть в центре внимания, хотят славы, известности. Анхелю де Куатьэ это не нужно. В личном общении он абсолютно не пытается быть «каким-то». Спокойный, уверенный, открытый. Когда беседуешь с ним, кажется, что знаешь его вечность. Он понимает тебя с полуслова, говорит просто и, вместе с тем, поразительно точно и эмоционально. Специально не шутит, но его мысль — оригинальная, ясная, живая — всегда слегка самоиронична. Возникает ощущение объема, полноты, значения. И все же, кто он — Анхель де Куатьэ?..

— Анхель, почему вы не хотите, чтобы люди знали вас в лицо?

— Потому что это не нужно.

— Это связано с тем, что вы чувствуете их боль? Не хотите, чтобы повторилось то, что было тогда?

— Нет. Это и не повторится. Просто не нужно. Действительно.

— Но вы говорите о таких серьезных вещах... Вы несете людям истину... Конечно, вас хотят видеть!

— Как можно «нести» людям то, чем они и так обладают? Каждый из нас несет истину в своем сердце. Просто кто-то слишком глубоко ее спрятал — так, что и не видно. А кто-то живет ею.

— И все же?

— Не смотрите на меня так, я понимаю, о чем вы спрашиваете. Есть, по крайней мере, три причины, почему я не стремлюсь к публичности.

— Три причины? Какие же?

— Во-первых, то, о чем я пишу, не должно становиться религией. Культы кажутся мне прекрасными только с художественной точки зрения. Но все остальное в них — неживое. Только люди и их вера — вот что живо. Если же я стану явью, обязательно появятся последователи, «апостолы» и так далее. Зачем? Скрижали — это путь, а Печати — препятствия. Тем, кто ищет себя, этих знаний вполне достаточно. И все есть в книгах. Ни культ, ни религия не нужны.

Подумайте... Вот вы присоединяетесь к какому-то культу. Разве не возникнет у вас подспудного желания переложить на него и его божеств ответственность за свою судьбу? Возникнет. Потому что так легче, верно? Но это ошибка. Стать собой можно лишь одним способом — ощущая личную ответственность за себя, за то, что у тебя в душе. А в культе скрыто некое лукавство — «Голосуйте за нашу партию, и мы будем отстаивать ваши интересы». Что хорошо в политике, убийственно в сфере духа.

— Но может быть, вы преувеличивав еще?..

— В Индии еще совсем недавно жил человек. Он был мудрым и веселым — рассказывал людям о философии жизни и предлагал практиковать медитацию. Ничего особенного. Он и сам говорил: «В том, что я делаю и говорю, нет ничего особенного. Практика — не цель, а только способ. Не создавайте культа. Все, чему я учу, — процесс жизни. Только процесс жизни и больше ничего».

Вокруг него стали собираться люди, много людей. Мудрец продолжал рассказывать им о процессе жизни, а они образовывали коммуны его имени. Когда он умер, двадцать лет назад, его

тело должны были кремировать и развеять над Гангом. Это обычная для индусов традиция. Мудрец рассчитывал, что ему не откажут в этой последней почести. И знаете, что произошло?

— *Что же?*

— Коммуне нужен идол. И совет коммуны постановил закопать старика. Вместо правдивой для индуса эпитафии: «Пришел из Ниоткуда. Ушел в Никуда» — он получил лишенную правды: «Никогда не родился. Никогда не умер». На самом деле Бхагаван Шри Раджниш сделал и то и другое — и родился, и умер. Но коммуне необходимо место, куда можно было бы прийти, всплакнуть и помолиться... Он пришел из Ниоткуда. Но его не отпустили в Никуда.

— *Бхагавана Шри Раджниша?!*

— Да, я рассказывал вам об Ошо. Умном, замечательном, веселом Ошо. Его прах — в сырой земле. Он не был развеян над Гангом, как было завещано. Возник культ, а культу потребовалось место для поклонения. Если есть пророк и последователи, от этого никуда не деться. У культа свои правила, свои законы. У культа должно быть свое «святое место», и оно будет.

— *Но все-таки людям важно знать, кто вы. Вы можете ответить на этот вопрос?*

— Кто я? Я — миф. Как и всякий продукт сознания. Помните, в «Исповеди Люцифера» заключенный 63-22 говорит: «Имя — это слово о вещи. А слово — это продукт вашего сознания. О чем сознании вы меня спрашиваете? О моем, о вашем, о сознании общества?» Я — то, что вы обо мне думаете. Вы еще не знали меня лично, но у вас уже было некое представление об Анхеле де Куатьэ. Я уже был в вашем сознании. Так что для вас это представление и есть — я.

У каждого из моих читателей есть определенное представление обо мне. И все это — я. У них, впрочем, есть представление и о себе. И это представление — они. А у тех, кто их знает, есть представление о них. И это тоже они. Мы живем в мире представлений. Мы принимаем эти представления за реальность. Существует ли реальность? Нет, существует реальность представлений. А жизнь — она за этой реальностью. К ней мы и пытаемся прорваться. Об этом идет речь в моих книгах.

— *Вы хотите сказать, что мы разные? То есть каждый из нас — разный для разных людей?*

— Да, это правда. Мы разные. Не в том смысле, что отличаемся друг от друга (что тоже, конечно, правда), а в том смысле, что мы разные в глазах разных людей. И это хорошо. Позвольте себе быть разными! Все мы имеем некое идеальное представление о себе, и мы пытаемся навязать его другим. Нам хочется, чтобы все нас воспринимали так, как нам хочется, чтобы нас воспринимали. Словно бы если это случится, мы сразу станем сами собой. Но это, во-первых, невозможно, а во-вторых, бессмысленно.

Разные люди все равно будут воспринимать нас по-разному. Ведь они сами отличаются друг от друга, и восприятие реальности у них тоже не одинаковое. А с другой стороны, это иллюзия, что таким образом можно стать собой. Это заблуждение. Напротив, если вы хотите быть собой, вы должны позволить другим людям относиться к вам так, как они хотят. Вы должны это отпустить. Тогда вы перестанете волноваться, что вы какой-то «не такой». А как только уйдет этот страх, появись вы.

— *Но давайте все-таки вернемся к представлению читателей о вас.*

— Забавно... Я же не шучу и не кокетничаю. Вот вы теперь познакомились со мной лично. Мы с вами сидим, разговариваем. Но вы же думали о том, как пройдет наша встреча? Представляли, наверное, какой я, как буду отвечать на ваши вопросы, каким образом буду реагировать. У вас были такие мысли?

— *Ну, да. Конечно...*

— *И настолько они совпали с вашими нынешними представлениями обо мне?*

— *Я бы не сказал, что они совпали. Совсем другое впечатление...*

— А как вы будете читать мою новую книгу, если я напишу ее?

— *В каком смысле?*

— Так же, как и все предыдущие, или иначе? Разве ваши представления обо мне не будут теперь примешиваться к вашему впечатлению от книги?

— *Наверное, будут.*

— И это будет другое чтение. Ведь так?

— *Вероятно, другое.*

— А знаете, в чем отличие?

— *В чем?*

— Прежде, когда вы меня не знали, ваше представление обо мне было создано вашим сознанием, по вашему же образу и подобию. Понимаете?.. Автором моих книг были вы... — Анхель улыбнулся и внимательно посмотрел мне в глаза. — Поэтому и чтение было для вас таким личным, таким глубоким. А я ведь пишу для сердца. И мне важно, чтобы эти книги читались именно так. Я не хочу, чтобы меня знали, мне не нужна известность и слава. Я хочу только одного — я хочу, чтобы мои читатели могли с помощью этих книг соприкоснуться с самими собой, со своими мыслями, чувствами. Не убивайте чудо. Не убивайте,

— *Вы так это сказали... Извините, мне трудно справиться с чувствами... Вы правы. Конечно, вы правы.*

— От меня всегда ждали чуда. Я рассказывал вам об этом. Но на самом деле от меня ждали не чуда, а волшебства. От меня ждали невозможного. И я подумал, что что-то во всем этом не так. И тогда я все поменял. Совсем. У меня теперь другая жизнь. И нот оно — чудо. Оно есть теперь! Вы читаете мою книгу, и вы переживаете. Это ваша книга — она о вас и для вас. И если вы захотите теперь изменить свою жизнь, Вы сможете сделать это. Я — как бы хорошо я ни чувствовал вашу боль — не мог бы помочь вам. Но вы теперь можете. Вот и все, чего я хотел. Ни религии, ни славы. Этого.

— Послушайте, вы наверное не знаете, но появилось множество лже-Ангелов де Куатьэ? Как с этим быть?

— Вы недооцениваете степень моей информированности! — Анхель весело рассмеялся. — Но не тревожьтесь так. Право, в этом нет ничего страшного. Я ведь даже встречался с одним из «Ангелов де Куатьэ». Да, правда! Я вам расскажу. Одна моя хорошая знакомая похвасталась, что к ним в гости должен будет прийти «модный автор» — Анхель де Куатьэ. Я, разумеется, напросился посмотреть на «звезду». И посмотрел. Забавно. Очень смешно было глядеть, как этот человек пытается быть мной. Очень забавно!

Знаете, если переодеть мужчину в женский наряд и попросить его изобразить женщину, он тут же начинает жеманничать, закатывать глаза, кривить губы, бессмысленно махать руками, попеременно закидывать ногу на ногу и так далее. В действительности, женщины никогда себя так не ведут. Никогда. Но, чтобы быть «похожим» на оригинал, плохой актер прибегает к утрированию. Так и здесь, в случае с... Как вы сказали — «лже-Ангелами де Куатьэ»? Да.

— *Но как к этому относиться?*

— С улыбкой! Анхель де Куатьэ — не самый плохой человек на этой земле. И если кому-нибудь хочется быть Ангелом де Куатьэ — пусть будет. Но я никогда не скажу о себе, что Анхель де Куатьэ — это я. Поэтому если кто-то говорит, что он Анхель де Куатьэ, можете быть уверены — это не Анхель де Куатьэ.

Интересно, кто-нибудь догадывался об этом?

Автор скрывает себя, чтобы мы могли ощущать его книги — своими. Лично я — нет. Я не

догадывался. Но — мог предполагать такое. Задумайтесь: если мы не знаем автора, мы придумываем его. И конечно, его образ получится похожим на нас, а текст его книги станет нам родным и понятным. Анхель де Куатьэ пишет о самых сложных вещах. О вещах, о которых сложно рассказать, не нагнав на читателя дремоту. Но у Анхеля де Куатьэ это получается. И теперь мы знаем почему. И много ли вам известно авторов, которые говорят: «Это не моя книга, я не претендую на авторство. Она — ваша. Она написана вашим сердцем».

— Хорошо, первую причину я понял. Какая вторая?

— Я всегда здесь. Я бываю в разных городах. Я хожу по тем же улицам, что и мои читатели. Я захожу в те же здания. Езжу в том же транспорте. Я всегда рядом с ними. Вот, например, я сижу в кафе и слушаю, как люди говорят обо мне и о моих книгах. Кто-то «со знанием дела» утверждает, что это коммерческий проект. И мне смешно. Кто-то бьет себя в грудь и заявляет: философия — это только Аристотель с Гегелем, а остальным туда — не соваться! И мне снова смешно. А вот сидит кто-то и тихо отвечает: «А мне нравится. Для меня это важно. Это много для меня значит». И он один, и я за него переживаю, я чувствую его боль. Но, задумайтесь, я ведь сижу рядом! И он уже не один! Совсем не один! Понимаете?

Но я не могу сидеть во всех кафе сразу, быть на всех улицах и перекрестках одновременно. Я не могу быть везде физически. Но я везде, если вы не знаете, как я выгляжу. Если же вы знаете меня в лицо, мое место окажется раз и навсегда локализованным. И я уже не смогу быть с каждым. И люди перестанут чувствовать мое присутствие. Они будут думать обо мне: «Он там-то, ему хорошо. А мы здесь, мы одиноки, и нам плохо». Поймите, если вы не знаете моего лица, я рядом — за соседним столиком, на той стороне улицы, в соседнем доме, в этом же книжном магазине. Но если вы знаете, как я выгляжу, вам придется меня искать. И вы вряд ли «найдете».

— А вас в самом деле можно встретить на улице, в общественном транспорте, в книжном магазине?

— Вы так спрашиваете об этом! Конечно! А где мне еще быть? Сейчас, например, я ехал к вам на метро. Я стоял, держался за поручень, а прямо передо мной сидела совсем юная девушка. Она читала «Учителя танцев». Знаете, у нее светилось лицо. Потрясающий, теплый, ясный свет! А вот пару дней назад я сидел в маршрутке рядом с женщиной — лет сорока. Она читала книгу «Всю жизнь ты ждала» с карандашом в руках. Страницы были исчерканы — она выделяла мысли, которые ей понравились. Мне трудно объяснить, но это необыкновенно трогательно. Понимаете?.. Эта женщина, как она читала — сосредоточенно, задумчиво, и вместе с тем я видел, что она — очень добрая, добрая внутри.

— Да, вы так передаете чувства... Многие ваши читательницы даже уверены, что вы — женщина.

— Ну, это не совсем так... — Анхель рассмеялся. — Но вы правы. Мне кажется, многие мужчины стесняются читать Анхеля де Куатьэ. Вероятно, им кажется, что это как-то «не мужественно» — любовь, слезы, чувства. Мужчины вообще стесняются своих чувств. Им вбили в голову, что грубость и бесчувственность — это «по-мужски». Но ведь это неправда. А сами мужчины — очень чувственные, ранимые и даже, я скажу, нежные в душе существа. Только одни привыкли это скрывать, а другие — так и не научились проявлять свою подлинную сущность, просто не умеют. И сами страдают от этого, и женщины их страдают.

Я сейчас вспомнил — был в одном книжном магазине. Прохожу мимо стеллажа со своими книгами, смотрю — юноша листает «Исповедь Люцифера». Быстро так, нервно. Словно ему и неинтересно совсем. Красный, как обложка «Исповеди»! Но стоит, читает. И я вдруг подумал о его девушке. Вот если в ней столько же чувств, как и в Саше, а ему совестно за собственную

чувственность, каково ей? Сделает ли он ее счастливой? А если не сделает, потому что боится показаться немужественным, какой из него мужчина? Нет, мужественность — это способность сделать любимую женщину счастливой. В чем еще, как не в этом, она может проявляться?

— Скажите, а вы и в Интернете бываете? На сайт, который посвящен вашим книгам, www.fourzero.net, заглядывали?

— А почему — нет? Конечно, — добродушно улыбается Анхель. — Я же говорю — я всегда здесь. Я — рядом.

— Господи, это даже как-то в голове не укладывается...

— Ну почему же?.. Я рядом. А там, на форуме, «собираются» замечательные люди — Ия, Славка, Айван, Джонатан, Китти, Тиша, Волонд, Леона и многие, многие Другие. Они уже стали мне добрыми друзьями, только сами не знают об этом. Но, я думаю, они чувствуют. На этом сайте вообще очень светло. И хотя разработчики сделали его оформление темным, он светлый. По ощущению. Хотите, я расскажу вам тайну?

— Тайну?

— Да, тайну.

— Расскажите...

— Не так давно мне пришло письмо — с благодарностями и любовью. Два участника форума, точнее — участник и участница — познакомились на нем и поженились (я не буду называть их ники, это ведь личное, захотят — сами расскажут форумчанам). Они написали мне, что счастливы, чувствуют друг друга, будто они две половинки единого целого. И все это благодаря «случайностям» — благодаря книгам. Они стали общаться на форуме, разговаривая о книгах, и вот — нашли друг друга! Полюбили и поженились. Это же потрясающе! Свет, если он осветил душу, никогда не меркнет. Он может изменить направление, он может стать лучом, а может — облаком. Но это все равно — Свет, и он идет дальше, он распространяется.

— Действительно, потрясающе!

— Да. И я очень рад, что мои книги способны объединять, что такие прекрасные люди, благодаря моим книгам, общаются друг с другом. Какая разница — пусть в виртуальном пространстве. Но они рассказывают о себе, делятся своим душевным опытом, переживаниями, чувствами. Они сами внутренне растут. Да, они спорят, но они и поддерживают друг друга. Ссорятся, но всегда мирятся. И главное, это тот внутренний посыл, который ими движет. Он делает их красивыми. Понимаете? Я думаю, во всем Интернете трудно найти такое светлое место, как этот сайт.

— Да. И я с вами абсолютно согласен. Л вы не участвуете в дискуссиях? Может быть, под каким-то ником?

— Нет. Зачем? Я и так слишком много написал и сказал.

— А письма? Вам же пишут письма по электронной почте?

— Да, пишут.

— А о чем пишут — кроме известий о свадьбах — если не секрет?

— Большинство писем очень личные, это правда. Многие интуитивно ощущают, что могут поделиться со мной своей болью. И рассказывают о ней. Я ощущаю и принимаю их боль, а людям становится легче. Иногда видно, как это внутреннее преобразование происходит прямо во время написания письма «загадочному автору». Но автор не загадочный — он здесь. Он — рядом.

Всех нас связывают невидимые нити. Время и пространство — это только условности. И если ты чувствуешь человека, то неважно, где он находится и чем занят. Ты с ним в особенном, внутреннем контакте. Между вами происходит обмен энергиями. Моя энергия — в моих книгах. А энергию моих читателей я чувствую, когда они обращаются ко мне — мысленно или в

письмах.

В конце концов, я начал писать не ради карьеры писателя. И я не собирался, как многие писатели, «рассказывать о наболевшем». У меня даже нет какой-то личной идеи, которую я бы хотел поведать миру. Для меня книги — это лишь способ выполнить свое предназначение. Прямая помощь израненной душе ничего не меняет, она приносит лишь временное облегчение. Но книги помогают исподволь, и я помогаю многим людям — тем, что я делаю, своими поисками и рассказом о них.

— Да, ваши книги помогают многим...

— Я бы не поверил в это, если бы не письма. Но люди действительно рассказывают в них о том, как эти книги повлияли на их жизнь, помогли в трудной ситуации, придали им сил, укрепили веру. Моя мечта становится явью. Если все мы будем соответствовать своему предназначению, мир преобразится. Благодарность читателей лишней раз убеждает меня в этом. Они делятся со мной своей положительной энергией. Я отдаю свою положительную энергию и получаю ее в ответ преумноженной. Это рецепт счастья. И я счастлив.

— А вы отвечаете на письма?

— Да.

— Но как же это возможно, их наверно десятки в день?

— Иногда и больше. Но я отвечаю в книгах. Не на конкретные письма, конечно, а на чувства. В моих книгах нет ничего придуманного, искусственного. И когда люди передают мне свою боль, это меняет мое состояние и автоматически влияет на то, что я пишу.

— А как вы относитесь к критике своих книг?

— Один мудрец сказал: «Возлюби Бога и делай, что хочешь».

— В смысле?..

— Мои книги вряд ли можно отнести к художественным произведениям. Это смыслы, а не тексты. Поэтому если кто-то критикует мои тексты, он просто не понимает, что читает. Если же кто-то злословит об этих смыслах... Что я могу сказать? Его Бог вызывает сочувствие.

— Вы говорите так, словно бы не считаете себя писателем?

— Вы правы, я не считаю себя писателем. Писатель — это рассказчик. Он рассказывает истории. Я не писатель. У меня нет «историй», и я не «рассказываю»; я разговариваю. Я — собеседник. Мои книги — это чувства. Чувства, которые рождаются у моих читателей, когда они погружаются в книгу. И это они, а не я, пишут мои книги. Своими душами, своими сердцами. В моих книгах — их жизнь, а не мои истории. Я присутствую в жизни тех, кому я нужен. И это взаимно. Кстати, я ведь тоже не знаю, как выглядят мои читатели. Но когда я иду по улицам, я узнаю их.

— Многие читатели уверены, что ваши книги попали к ним неслучайно. Что это произошло в определенный момент их жизни словно специально, как проведение. Они нуждались в помощи, и эта помощь пришла к ним через ваши книги — спонтанно, неожиданно, но очень вовремя...

— Я могу сказать то же самое и о себе.

— Вы шутите?.. Что вы имеете в виду?

— Я не придумываю свои книги. Они приходят в мою жизнь точно так же — спонтанно и неожиданно. Я никогда не знаю, что будет происходить с моими героями дальше, куда движется сюжет. Когда я пишу книгу, я еще не знаю, о чем она. Лишь постепенно я начинаю понимать это. Я так же боюсь и переживаю за своих героев, как и мой читатель. Иногда мне кажется, что «все пропало», что нам не выкарабкаться. А потом, находится решение. Но я никогда не знаю заранее, увижу ли его.

— Но как такое может быть?! В ваших книгах все так взаимосвязано! Складывается

впечатление, что у вас сразу был какой-то конечный план...

— Нет. У меня нет и, конечно, не было никакого плана. Больше того, когда я заканчиваю книгу, мне всегда кажется, что она последняя. Потому что мне больше не о чем писать. Внутри абсолютная пустота. Но вот я ставлю последнюю точку и понимаю: что-то начало происходить. Понимаю, что началась следующая книга. Вам трудно это представить?

— *Признаться, да...*

— Просто вы думаете обо мне как о писателе. Как о человеке, который решил что-то сказать этому миру, поделиться с ним своим опытом, мнением, позицией. Но у меня ничего этого нет. А поэтому не может быть и «художественного замысла». Просто я знаю, что что-то происходит — прямо сейчас, в эту секунду. И я знаю, что это реально. Я только свидетельствую. Ничего больше. Будущее неизвестно. Вы, например, знаете, что я скажу через минуту? Что вы скажете?

— *Нет, разумеется, я не знаю.*

— И я не знаю. Я знаю только то, что что-то происходит. Прямо сейчас.

— *И сейчас тоже что-то происходит?..*

— Да, Я чувствую четвертого Всадника.

— *Это невероятно!*

— Все в этом мире взаимосвязано. Что-то можно объяснить логически, а что-то не поддается объяснению. Это так! И часто, настаивая на объяснениях, мы режем по живому. Но спросите у себя — отчего вы так жаждете этих объяснений? Не потому ли, что вы испуганы? Не оттого ли, что вы хотите все контролировать?..

— *Да, вероятно, вы правы. Объяснения нужны именно для этого.*

— Но если вы верите в Бога, если вы верите в Его мудрость, в таинство Замысла, разве не глупо требовать у Него объяснений по поводу каждого Его шага? Посмотрите на это со стороны — разве не нелепы наши попытки контролировать Провидение?!

— *Вы можете рассказать об этом подробнее?*

— На примере... — Анхель задумался. — Каждый из нас начал свою жизнь в материнской утробе. Там было тепло, сытно, комфортно. Нам было хорошо там. Очень. Но вот в какой-то момент идиллия внутриутробного существования нарушилась. Вода, которая была нашей защитой, ушла. Стены прежде уютного дома превратились в рабочую поверхность агрессивного пресса. Нас сдавило со всех сторон. Нам не хватало ни сил, ни пищи, ни воздуха. Нас выталкивали — в холодную, чужеродную среду. Это был ад... Так или примерно так мы пережили священный миг собственного рождения.

Если бы нас спросили тогда, хотим ли мы продолжения? Хотим ли мы идти навстречу этому ужасному холоду? Что бы мы ответили? Мы сказали бы: «Нет! Ни за что! Это смерть!» Но на самом деле это была не смерть, это было — рождение. Мы бы ошиблись, если нас спросили тогда. И знаете почему? Потому что всегда есть то, чего *еще нет*. И мы ничего не можем знать о нем. Прежде нам нужно будет это пережить, и только потом мы сможем дать правильную оценку. А какие объяснения дашь младенцу, зажатому в родовых путях матери? Будь у него возможность контролировать Провидение, он бы никогда не появился на свет. Понимаете, о чем я говорю?

— *Вы хотите сказать, что, оценивая будущее с точки зрения настоящего, мы неизбежно допускаем ошибку?*

— Да, я хочу сказать именно это. Когда Свами Брахмананда говорит: «Мы знаем все, что происходило и происходит. Но мы не знаем будущего», он говорит и другое: «Наши знания о прошлом и настоящем не приоткрывают завесы неизвестности перед будущим». Но более того, я хочу показать на этом примере, что наше настойчивое желание «получить объяснения» —

смехотворно! И непозволительно, до безумия амбициозно! Когда вы спрашиваете меня о моих книгах, вы спрашиваете меня о реальности, которую невозможно объяснить рационально, которой нет объяснений. Вы спрашиваете о невозможном.

— *Но вы обмолвились, вы сказали о некоем «Замысле»?*

— Я верю в самоорганизацию. Я верю в то, что мир внутренне стремится к гармонии. Не к хаосу, не к смерти, а именно к гармонии и жизни. Да, его раздирают противоречия. Да, в нем множество проблем. Да, мы сами нарушаем этот замысел своими страхами, ошибками, заблуждениями. Но мир все равно стремится к гармонии. Ребенок, находящийся в утробе матери, как бы он ни сопротивлялся схваткам, стремится родиться. Против собственной воли и даже желания он стремится к рождению. И мы или содействуем этой потенциальной гармонии будущего — образом мысли, чувствами, поступками, или, напротив, разрушаем ее. Впрочем, по плану Замысла все должно быть хорошо.

— *И когда вы пишете свои книги, вы думаете об этом? Вы думаете, что они служат этой цели?*

— Я думаю о том, что я должен сделать. И если у меня есть мой дар, и я знаю то, о чем пишу, — я пишу. Нет революционного способа установления гармонии в мире. Нет магического заклинания, способного пробудить людей. Нет Бога, который придет и расставит все по своим местам, воздаст каждому по заслугам. Ничего этого нет.

Но есть мы. А у каждого из нас есть свой дар. И дар этот может быть открыт только во взаимном общении наших индивидуальностей. Поэтому мы просто вынуждены содействовать друг другу. Я, со своей стороны, делаю это. Я помогаю тем, кто ищет, тем, кто нуждается в помощи. Я помогаю неравнодушным.

И я знаю, что я сделаю это сто крат лучше, если вы не знаете меня в лицо. Примите этот парадокс. Я могу быть рядом с вами, но только при одном условии — если меня нет.

У меня были самые разные предположения...

Сто причин, по которым Анхель де Куатьэ > не хочет являть себя публике. Но я никогда не спрашивал себя: а что будет, если он все-таки сделает это? Что будет с нами?! Сможем ли мы тогда читать его книги, как свои книги? Чувствовать, что они — часть нас самих, что они написаны о нас и для нас? Будем ли мы ощущать его присутствие в своей жизни, если он станет «публичным человеком»? Сохранится ли тогда в нашей жизни эта душевная, интимная связь с автором, понимающим и поддерживающим нас человеком? Останется ли он нашим Собеседником, каким был, пока мы его не знали?

Мы стремимся узнать автора, а автор тем временем думает о нас. Анхель де Куатьэ действительно рядом. Он с нами. Единственное, что нам остается — увидеть, понять и принять это. И как только мы совершим над собой такое усилие, человек, говорящий с нами от сердца к сердцу, понимающий нас, наши чувства и нашу боль, помогающий нам и думающий о нас, сразу появится в нашей жизни.

Он объединяет души, но без каких-либо условностей. Он убивает одиночество и открывает Жизнь.

— *Я понял и вторую вашу причину, по которой вы избегаете публичности. Но неужели есть еще и третья? Мне с трудом в это верится...*

— Есть и третья. Вас не смущают разного рода проповедники, которые рассказывают о Просветлении, о Высшей Истине, о Счастье? Меня смущают. Ведь по-настоящему счастливый

человек, наверное, уже не должен ничего говорить. Он и так счастлив. А что просветленный может сказать непросветленному? Только одно: «Просветляйся!» Наконец, что такое Высшая Истина, если Ее передают из уст в уста как обычный анекдот?

— Ну да. Все это достаточно сомнительно...

— Более чем. Здесь полно парадоксов. Но что такое парадокс? Парадокс — это результат извечного конфликта нашего рассудка с духом. Истина, Счастье, Просветление — область духа. А всякие рассуждения неизбежно рассудочны. Истина невыразима в словах. Счастье — это радость, не имеющая объяснений. Наконец, Просветление — это внутреннее преобразование. Как о них расскажешь? Невозможно. Любой, кто попытается, будет выглядеть или надутым индюком-всезнайкой, или сумасшедшим.

— Но как же быть?! Не говорить вовсе?

— Если то, о чем мы хотим, но не можем говорить, относится к области духа... Что ж, нам остается просто быть в духе.

— Вы замолчали. Это что, третья причина?..

— Может быть, я и заблуждаюсь. Но мне кажется, что как только Анхель де Куатьэ станет для своих читателей человеком из плоти и крови, я перестану писать. Поиски возможны только потому, что множество людей болеют за них душой, пребывают в духе. Пусть даже они думают, что это выдумка. Какое это имеет значение?.. Если читатель видит то, что стоит за книгой, проникается ее сущностью, ее истиной, он будет сопереживать, а его душа будет трудиться. И в этом все дело. Помните, что в Агван говорил Даниле?..

— «Тысячи людей во всех частях света молятся сейчас о твоём выборе»? Вы эти слова имеете в виду?

— Да. И пока я — миф, я чувствую огромное количество людей. Я чувствую связь с ними. С теми, кто ведет духовный поиск, с теми, кто думает о Свете, с теми, для кого Жизнь — это не просто данность, а подлинное Чудо. И без этой связи, без этого духовного контакта, я уверен, не было бы ни открытий, ни Скрижалей, ни Печатей, ничего. И как только я обрету плоть и кровь, эта связь прервется. Все закончится.

Андрей написал в своей книге: «Дети искали душу, дети разрезали по частям лягушку. Кишки нашли, а жизнь ускользнула». И потом он добавляет: «А ты пойми, не членя...» Я уверен, он говорит это себе. Это его испытание. Его мозг так устроен — он членит, анализирует и затем упорядочивает, систематизирует. А у меня все наоборот. Я не гонюсь за достоверностью, объективностью. Я просто чувствую.

Знаете, если бы Андрею сказали: «Существует семь Скрижалей, скрывающих Истину», он бы пожал плечами и спросил: «А почему семь? Не шесть? Или не восемь?» Он так устроен: ему важна не столько мысль, сколько порядок мысли. Он видит в порядке мысли нечто значительное. А я — нет. Мне порядок не важен. Я в этом ничего не понимаю. Я живу ощущением, чувством. И для меня, если Скрижалей семь — значит семь.

— Вы думаете, это чувство, это ощущение пропадет, если мы откроем ваше лицо?

— Я не думаю так. Прямо — так. Я думаю, что что-то неуловимое, что-то тайное ускользнет. Исчезнет, понимаете? А я не хочу, чтобы это произошло. Я не хочу играть ни в какие социальные игры. Я не хочу быть кем-то. Я не хочу обсуждать то, о чем написано в книгах. В них — все, что мне известно. Не больше и не меньше. Кто услышал, тот услышал. Кто не услышал... Что ж, услышит в другой раз.

Я хочу, чтобы мне позволили сохранить интимность моей жизни, мою внутреннюю настроенность, способность воспринимать то, что можно воспринять лишь в очень определенном состоянии. То, что происходит со мной, то, что я чувствую, что вижу, о чем рассказываю — это интимное, личное. И только поэтому мои книги живые, только поэтому они

могут тронуть сердце. В них хрупкое свидетельство моей Жизни.

— *Но происходит ли то, о чем вы пишете?*

— Представьте себе Вселенную — огромную, бескрайнюю, мертвую Вселенную. А теперь представьте себе человека, стоящего на краю этой Вселенной. Маленького, слабого, уязвимого, но живого. И теперь спросите себя, что он там делает? Отвечайте быстро. Не задумывайтесь! Вы скажете: «Он ищет свое место. Он ищет себя в этой Вселенной». И это правда, потому что этот человек — вы сами. И вы знаете, что вы делаете в Вечности, вы ищете в Ней себя.

А теперь представьте, что таких людей не один, не два и даже не три, а сотни, тысячи, миллионы и миллиарды... И каждый из них стоит перед необъятной, холодной Вселенной. Один на один. И каждый ищет в Ней свое место, ищет себя. И теперь поймите, что это не образ, не фантазия, не картинка в рамке. Это — *реальность*. Так и есть. Каждый из нас стоит перед Вечностью. И все мы вместе стоим перед Нею.

Задумайтесь — какая гигантская энергия бессильно скитается, мечется по пространству Бытия! Это странствие нашего Духа. Общего. Потому что в Духе мы все едины. Но люди слепы, они не понимают, что это общее движение, общий поиск, общее странствие. Каждый проходит этот путь в одиночку. Каждый стоит перед бескрайней Вселенной и ищет себя в ней. Но ведь это наш общий путь! И то, о чем пишу я, это не истории конкретных людей, чьей-то жизни, любви или смерти. Это хроники того общего для всех нас духовного движения, которое мы проходим все вместе. Это хроники Духа. И поэтому происходящее — больше меня. И поэтому я не контролирую содержание книг. И поэтому я просто *свидетель*, которому, мне кажется, могут отказать в доступе в любой момент.

Вы спрашиваете меня, происходит ли то, о чем я пишу, на самом деле. Да, происходит. Именно поэтому мы сидим сейчас здесь, с вами, и разговариваем. Именно поэтому нас беспокоят темы, о которых мы сейчас говорим. Именно поэтому нет ничего случайного в том, что нужные книги приходят к нам в нужное время. А любовь приносит страдания, а страдания — счастье. Все не случайно.

Наша беседа тоже не случайна. Это маленькая, но *настоящая, реальная* частица того огромного духовного движения, которое происходит сейчас во Вселенной. И в каждой отдельной душе, в каждом сердце. И в этом — еще один из великих парадоксов... Каждый из нас в каждый миг творит Вселенную, являясь Создателем. И каждый из нас — лишь маленькая, ничтожная песчинка в руке Создателя.

— *А кто-то еще пытался описывать это? Говорить об этом?*

— Конечно! И всякий думающий человек, и основатель любой из религий, и философы, и художники. Конечно. Но когда человек пытается расположить это знание в прокрустовом ложе — в ложе религиозной доктрины, философской системы, художественного произведения — он теряет свободу. Он испытывает сопротивление «действительности». Знание искажается. Возникают сторонние влияния, и огонь гаснет. Вот почему я просто фиксирую информацию. То, что приходит ко мне как отражение наших общих духовных странствий и поисков. Я просто пересказываю увиденное. Я пересказываю чувства от увиденного и говорю языком чувств. Сюжет — только средство.

— *И поэтому вы не хотите, чтобы вас считали писателем?*

— И поэтому я не писатель.

— *А кто вы?*

— Я? Я — тот, кто написал эти книги. Этого довольно.

***

Мой собеседник говорит образно. Но вовсе не загадками. Он не пытается юлить или оперировать двусмысленностями. Ему даже нет нужды прятаться за словами. Он говорит о вещах, которые и так невыразимы в словах.

Он пишет книги. Он пишет о том, о чем знает. И это очевидно, это так. Но сможет ли он писать, будет ли он знать, о чем писать, если мы вторгнемся в его жизнь? Нарушим его настроенность и сосредоточение?

Я разговаривал с Анхелем де Куатьэ, и мне пришло на ум одно странное сравнение. Может быть и не слишком удачное, но другого мне все равно не придумать. У любого измерительного прибора есть, как говорят в таких случаях, определенная «чувствительность». И, наверное, глупо измерять длину российской границы электронным микроскопом. Но нет другого способа узнать размеры вируса или другого микроорганизма.

Так вот, у Анхеля де Куатьэ поразительная «чувствительность». По тому, как он ведет себя, я понимаю, что он действительно чувствует меня, предугадывает мои мысли, знает мои чувства. Да, вероятно, это не самое удачное сравнение, но все же — он необыкновенно «чувствительный прибор». Не сломается ли он, оказавшись в центре внимания прессы, атакуемый читателями, поклонниками или недоброжелателями? Я не готов это гарантировать. И я уж точно — я не готов так рисковать...

Анхелю де Куатьэ удалось почти невозможное — он пишет мудрые книги, обращенные к сердцу. В них есть все — потрясающая интрига, легкий, изящный, чуть аскетичный язык. Они читаются на одном дыхании. Но главным остаются знания, переданные силой чувства — от души к душе. Книги Анхеля де Куатьэ трогают — заставляют переживать, плакать. Они — настоящие. Они — живые. И при всем при этом, перед нами уникальный литературный феномен. Объединенные общим сюжетом, книги абсолютно непохожи одна на другую. Настоящий калейдоскоп жанров! Ты берешь в руки новую книгу и никогда не знаешь, о чем она — и какая она. Каждый раз тебя ждет открытие.

Анхель де Куатьэ не устает удивлять. И остается только гадать — как ему это удается?!

— *Вас сравнивают с Ричардом Бахом и Карлосом Кастанедой, с Пауло Коэльо и с Максом Фраем. Что вы думаете на этот счет?*

— *У всех пишущих людей есть что-то общее.*

— *Вы так странно улыбнулись. Вам не понравился мой вопрос?*

— *Нет. Вовсе нет. Тут дело в другом... Человеку свойственно проводить параллели между разными явлениями. Если вы сравниваете известное с чем-то новым и неизвестным, то это новое кажется вам более понятным. Но ведь это только иллюзия понимания, хотя, конечно, теперь это новое не так пугает. С «понятным» всегда приятнее иметь дело. Приятнее, потому что не страшно.*

Когда вы покупаете бутерброд в «Макдоналдсе», вы заранее знаете, что это будет за бутерброд. И если вам предложат на выбор бутерброд из «Макдоналдса» и бутерброд неизвестно откуда, вы, скорее всего, выберете первый, даже если не особенно его любите. Люди стремятся к определенности и понятности. Правда, это делает их жизнь все менее и менее уникальной.

Поэтому я и не люблю, когда проводят параллели между явлениями. Это убивает новое в прокрустовом ложе привычных стереотипов. Смущает подсознательная мель, с которой это делается — чтобы не тревожиться, чтобы ни о чем не думать, не озадачиваться новым, а просто плыть по течению. Мы гонимся за понятностью, это объяснимо. Но в результате мы теряем что-то очень важное — мы обезличиваем новое и тем самым обедняем себя.

— *Хорошо, я вас понял. Но... Может быть, нарушим правило? Вы рассмеялись... Сделаете исключение?..*

— *Могу попробовать. Начать с Баха и Кастанеды?*

— *Да, пожалуйста.*

— *И Ричард Бах, и Карлос Кастанеда избрали для себя мифологический путь общения с читателями. Они не люди, они — легенды. Они придумали биографии и для себя, и для героев своих книг. Они не появлялись на публике, не встречались с читателями, не вступали ни с кем ни в какие дискуссии. Об этих авторах достоверно известно только то, что они написали свои книги. Их биографии — легенда. И мне думается, это вполне объяснимо.*

Понимаете, есть разница между профессиональным философом и автором, пишущим на философские темы — то есть об устройстве мира, о духе, о судьбе, о ценностях. Профессиональный философ настаивает на истинности своих суждений, а Бах и Кастанеда просто предложили нам посмотреть на этот мир под другим углом зрения. Их собственным. В противовес философам они последовательные субъективисты.

— *И вы тоже последовательный субъективист?*

— Мне кажется, это единственно правильный путь. Люди могут до хрипоты спорить о том, как устроен мир. Но ведь заранее известно, что они никогда не придут к одной, единой для них точке зрения. Зачем же тогда спорить? Спор разрушителен, в нем много отрицательной энергии. Он не имеет смысла. С другой стороны, каждый человек имеет право говорить о своем видении мира. И если он делает это захватывающе, мы будем его слушать. Естественно! Впрочем, кто-то, вероятно, решит оспорить его рассказ. Как вы думаете?..

— *Думаю, да.*

— И теперь представьте себе замечательных Ричарда Баха, Карлоса Кастанеду, которые с пеной у рта доказывают кому-то, что они написали правду... Вам не смешно?!

— *Смешно.*

— Поэтому они и избрали мифологический путь. Они спрятались за легенду, но это, как ни парадоксально, позволило им быть собой. Они пишут о себе, они так думают, и это их правда. Тут просто не о чем спорить.

— *Но получается, что вы пошли по тому же пути. С той же целью?*

— У кого «получается»?.. Нет. Я думаю, и Бах, и Кастанеда заранее знали, что они хотели сказать этому миру. У них была своя «точка зрения», которую они и предлагали читателю. Желавшие могли принять, а не желавшие — отказаться. У меня же нет какой-то особенной, личной «точки зрения». Мне, по большому счету, нечего сказать этому миру. Я, как фото пленка, лишь фиксирую то, что происходит — on line.

Если вы внимательно читали Баха и Кастанеду, то знаете — они, шаг за шагом, описывают свой *личный* духовный поиск. Когда и моя душа, подобно чайке Баха, искала свое место во Вселенной, я тоже был уверен, что у меня есть что сказать этому миру. Я хотел, чтобы меня слышали и поняли. Мне казалось, это перевернет жизни многих людей. Обычное искушение духовного поиска. Начни я тогда писать, я бы написал свои КНИГИ. Но сейчас мой личный духовный поиск закончен. Это не значит, что я куда-то «пришел», нет, не в том смысле. Думать так о духовном поиске — значит наивно заблуждаться. Я не «пришел», я сделал круг и увидел эти странствия со стороны, как бы сверху. И поверьте мне, когда смотришь оттуда, когда видишь не одну, а миллиарды подобных спиралей — это совсем другое.

— *Я правильно понимаю, что вы, в отличие от Баха и Кастанеды, не строите легенду, а рассказываете о действительном, но просто особенным образом. И если у Баха и Кастанеды, словно говоря — «сказка», то ваши книги — «былина».*

— Да. Я лишь наблюдаю за тем, что происходит. А рассказываю так, чтобы было понятно.

— *А что вы можете сказать о Коэльо и Фрае?*

— Макс Фрай меня не заинтересовал (не заинтересовала), поэтому здесь я ничего не могу сказать. По поводу Коэльо... Я думаю — хорошо, если человек имеет возможность выбирать себе веру. Когда он решает это сам, сознательно. Часто Бога нам выбирают родители, правительство... Это странно. Кто тебе более понятен — Христос, Аллах, Будда, Иегова, Шива? Это можно решить только в сознательном возрасте. И поэтому во все времена были проповедники, миссионеры, пророки. Они рассказывали о своих Богах.

Коэльо, в отличие от многих эзотериков, активно проповедует свои идеи. Он автор-проповедник, можно сказать — секуляризированный священник. Он рассказывает нам о Судьбе, о Душе Мира, о Добре и Зле — с религиозной точки зрения. Он хочет, чтобы мы поверили этим истинам. И наверное, его мысли созвучны многим сердцам. Коэльо умный и интересный человек. Я отношусь к нему с уважением. Но я не проповедую. У меня нет никакой истины, которую можно было бы проповедовать.

— *Но разве Скрижали Завета — это не такие истины?*

— *Скрижали — это опыт.*

— Опыт?.. В серии «В поисках скрижалей» вышло восемь книг. Семь из них посвящены Скрижалям Завета. В восьмой книге рассказывается о каждой из семи Скрижалей, и вы хотите сказать, что это не конкретные истины, а опыт?!

— Разумеется. Как-то один из оппонентов Сократа, отчаявшись переспорить мудреца, сказал в бессилии: «Сократ, с тобой невозможно спорить!» Сократ ответил: «Мой друг, невозможно спорить с истиной. А спорить с Сократом — дело нехитрое!»

— Если не ошибаюсь, спор в этот момент шел о Красоте...

— Абсолютно верно. Не ошибаетесь. Об опыте красоты. Если у тебя есть внутренний опыт — любви, красоты, свободы, силы, если ты пережил в своем сердце что-то важное, тебе больше не нужны ни доказательства, ни объяснения, ни проповеди. Ты теперь знаешь это. Просто знаешь. А если ты не имел такого опыта, то никакие доказательства и объяснения тебе не помогут. Бессмысленно рассказывать человеку, что такое «внутренняя свобода» — если он этого не знает, ему не расскажешь, а если знает, то бессмысленно рассказывать, он и так уже знает. Это как со снегом.

— Со снегом?.. Я не ослышался?

— Да, не ослышались. Со снегом. Просто мне этот пример понятнее. Невозможно объяснить человеку, что такое снег, если он никогда его не видел. Снег надо видеть. Его надо почувствовать, попробовать на язык. Надо рассмотреть снежинки, слепить снеговика, поиграть в снежки, покататься на лыжах и санках, замерзнуть, потерявшись в зимнем лесу. Только тогда ты поймешь, что такое снег. В моих книгах нет догм, я не рассказываю о снеге. Мои книги — это путешествия для чутких.

— Но все же мудрости, определенные мысли... Сотрудники моего издательства вас буквально имитируют.

— Если мудрость касается сердца, сердце переживает опыт мудрости. Здесь нет противоречий.

— И все же, разве вы не проповедуете Скрижали?

— Вы можете представить себе Ньютона, проповедующего силу земного тяготения?

— Ньютона, проповедующего силу земного тяготения?.. Ну... Я не совсем понимаю. Что вы имеете в виду?

— Ньютон открыл силу земного тяготения, даже не открыл, а просто заметил. Потом он провел расчеты и рассказал об этом физическом явлении другим людям. Он не проповедовал силу земного тяготения. Он описал ее с физической точки зрения и рассказал то, что знал.

— И вы не проповедуете Скрижали, вы просто рассказываете о них?

— Именно. Проповедь обращена к человеку, чтобы пробудить в нем веру. Но бессмысленно пробуждать веру в силу земного тяготения. Это было бы смешно! Ваши соученики, в детстве, никогда не вытаскивали из-под вас стул?

— Было дело, конечно.

— Вы падали?

— Разумеется.

— Ударялись? Было больно?

— Ударялся. Было больно.

— Нужно ли Ньютону проповедовать силу земного тяготения?

— Вероятно, нет.

— А пробуждать веру в него?

— Нет, конечно!

— Скрижали — это не то, во что можно верить. И было бы глупо их проповедовать! Верить можно только в те вещи, в которых можно усомниться. Но нельзя верить в то, что абсолютно.

Любит нас Бог или не любит — неизвестно наверняка. И это вопрос веры: верите вы в Его любовь или нет? Это ваша вера.

Теперь другой пример. Хорошо это — красть, или плохо? Это ведь тоже вопрос веры. Если один крадет кошелек у старушки, потому что не хочет работать — это одно дело. А если брошенный родителями ребенок крадет булку в магазине... Это другое. Мы оправдываем ребенка, но ведь и первый вор находит себе оправдание.

Понимаете, о чем я говорю? Все это вопросы веры. Верить можно в то, что нельзя проверить, в чем нельзя убедиться. Вы можете верить в то, что одна оценка поступка верна, а другая — нет. Это вера. Но вы не можете верить в силу земного тяготения! Хотите, я выдерну из-под вас кресло?..

— Нет, спасибо! Уговорили — я не верю в силу земного притяжения. Я в ней не сомневаюсь. Но разве со Скрижалями так? Разве они известны наверняка?

— Тысячи лет кряду люди падали наземь, ударялись, разбивали себе колени, ломали руки. Это было всегда, потому что это закон. Но если бы вы спросили у тех людей, почему они падают, те бы ответили: «Потому что мы тяжелые». И они ошибались. Но пришел Ньютон и сказал: «Нет, это ошибка. Вы падаете не потому, что вы тяжелые, а потому что вас притягивает земля. Она — тяжелая». Иными словами, закон был всегда, но знание о законе не всегда было правильным.

— Правильно я понимаю, что Скрижали — это принципы, которые были всегда? Но наши знания об этих законах мироустройства до сих пор были ошибочными?

— Скрижали — это опыт. Вы учитесь ходить — это опыт. Вы падаете — это опыт. Вы становитесь олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту — это опыт. И Скрижали — это опыт. Я лишь описываю опыт. То, что есть. Ничего больше. Я говорю об очевидных вещах. Но сколько лет люди считали, что они падают на землю, потому что «они тяжелые»? Сотни тысяч. А научились бы они летать, если бы так и не узнали, что все наоборот? Это не мы «тяжелые», это земля «тяжелая», она притягивает. Научились бы?

— Вряд ли. Наверное, не научились бы.

— И знаете почему?

— Почему?!

— Потому что если бы человек продолжал думать о себе, что он «тяжелый», он бы никогда не поверили в то, что он может летать. И только когда люди узнали, что они — «легкие», они посмотрели в небо с надеждой... Скрижали — это опыт. И о нем действительно знают все. Но одни видят Небо, а другие — носки собственных ботинок. Важно не просто знать, важно — как ты знаешь. Это «как» и есть — Скрижали.

То, о чем рассказывает Анхель де Куатьэ, одновременно и очень просто, к необыкновенно сложно. Нужно ли доказывать, что у квадрата четыре стороны? А то, что круг — круглый? Вряд ли. Это очевидно.

Скрижали — столь же очевидны. И столь же просты. Это наше с вами знание жизни. Мы им уже обладаем. Проблема только в том, как мы его оцениваем... Мы можем думать, что любовь — это радость, можем считать ее — физиологической реакцией, некоторые называют ее болезнью, сумасшествием.

А что говорит об опыте любви Скрижаль Завета? Она говорит: любовь — это твой шанс потерять себя, чтобы найти себя, стать собой, открыть свой Свет. И тут нечего доказывать. Если ты видишь так, если любовь действительно открывает тебе себя, ты делаешь шаг в сторону от смерти, шаг к внутренней свободе.

И разве нужно это доказывать? Нет.

Просто если мы хотим преодолеть страх смерти, мы должны это сделать. Не для кого-нибудь. Для себя.

Скрижали — это дорога. А в дорогу не нужно верить, по ней нужно идти.

— *Но Скрижали существуют?*

— *Разумеется!*

— *Вы замолчали. Можно попросить вас дать более развернутый ответ?..*

— Вы знаете, что мы все страдаем манией величия! Все. Человек говорит: «Я самый несчастный!» А другой: «Я самый глупый!» Третий: «Я самый большой неудачник!» Все — «самые». Когда нам больно, нам кажется, что наша боль «самая» невыносимая. Когда мы разочаровываемся в ком-то или в чем-то, нам кажется, что нас постигло «самое» большое разочарование. А когда мы влюбляемся, у нас «самая» великая любовь. Это мания величия. Даже унижая себя, даже говоря о себе всякие гадости, человек не устает повторять — «самое», «самая», «самый». Мания величия. Однажды, когда я чувствовал себя «самым» несчастным человеком на земле (думаю, это многим знакомо), я пережил... Не знаю, надо ли это рассказывать?

— *Расскажите...*

— Хорошо. Попытаюсь. Я тогда еще учился, я был студентом. Советский Союз как раз доживал свои последние дни. Тяжелое время. Вокруг все чужое. Я был совсем один. Внутренне. Мне казалось, что все бессмысленно, что моя жизнь лишена цели, что мне просто незачем жить. Мир в моих глазах потерял все — красоту, ценность, величие. Все ужасно, жутко» глупо. Предельная степень отчаяния. В мире царит черствость, безразличие и злоба. А я один, я самый несчастный... Так я чувствовал.

Был холодный зимний вечер. Я шел по небольшой, темной улице в свое общежитие. Неприятный, пронизывающий ветер. Скверно. И вдруг какой-то шум. Сбоку, со стороны двора. Несколько пьяных молодых людей кричат и машут палками. Потасовка. Мне стало не по себе, боязно. Я ускорил шаг. Но вдруг понимаю, что слышу плач. Да, сквозь крики, брань, нервный хохот — я слышу плач. Не мужской, не женский, не детский... Я понимаю, что они бьют собаку. Останавливаюсь. Я стою спиной. Там, вдали, в темноте двора бьют собаку. Она кричит, молит о помощи. Истошно, бессильно.

Я разворачиваюсь и иду туда, к этим людям. Им весело. Злое веселье, Я прошу их остановиться. На меня нападают — от слов быстро к делу — хватают за куртку, ударяют в живот. А я вижу краем глаза эту собаку. Дворняга, совсем мелкая. У нее, видимо, что-то с позвоночником. Перебили позвоночник. Она бессильно волочит задние ноги, в глазах — ужас. Она кричит, плачет. Я слышу — это плач. И повторяю, как дурак, повторяю: «Остановитесь! Прекратите это, пожалуйста! Не надо!» Меня бьют. Все продолжается. Эти люди словно озверели. Я разозлил их. Они держат меня, бьют собаку.

Все продолжается. Я получаю палкой по затылку, оседаю на ноги и ползу. Зачем? Что я делаю? Я не понимаю. В голове — туман. Ничего не соображаю. Тяну руки и заталкиваю собаку под себя. Она кричит. Кусает меня. А сверху удары. Все продолжается. И вдруг, сквозь гул этого ора, я разбираю слова: «Да ты говно! Ты понимаешь, что ты говно?! Что ты вообразил о себе?! Ты — говно?! Понял?! Ты — говно?!» Раньше, я бы, наверное, разозлился. Взбесился бы, может быть. Бросился бы на обидчика. Но сейчас нет. Я слышал эти слова и понимал, что это правда.

Я поднялся. Не полностью, только на колени. Больше не смог. Стою на снегу на коленях, прижимаю к себе собачонку. И говорю этим парням: «Да, я говно. Я понял» Я понимаю. Да. Я

говно». И я не врал тогда. Я понял это. Почувствовал. Только что я осуждал весь мир, только что я был «самым несчастным», страдал манией величия, жаждал понимания, хотел быть услышанным. А теперь, в какую-то считанную долю секунды, мне стало вдруг, все равно. Абсолютно. И я подумал: «Да, я — говно». Просто, спокойно. Я понял это, принял. Да, я говно. Они побросали палки и ушли.

В общежитие с собакой меня не пустили. Ночь. Податься некуда. Я забрался в подвал соседнего дома. Там были трубы отопления. Я разложил куртку, укутал в нее собаку. И все думал тогда: «Да, я говно». Просто, спокойно. Я так думал о себе — спокойно. Без слова «самый», «самое». Просто. Я так чувствовал... И она начала рожать. Она была беременная — эта собака. Не знаю, может от стресса, от шока. Она рожала. В темноте, в сумраке я сразу и не понял. Она рожала и лизала мне руки. Все недоношенные.

Ночь я просидел в этом подвале, слушая ее дыхание — тихое, слабое, едва различимое. Прерывистое. Все умерли. Все. Трое щенят и она. А я — нет. Я не умер. Когда стало светать и сквозь узкие, продольные окна забрезжил свет, я раскопал в этом подвале землю и похоронил их. Потом вышел на улицу и долго смотрел на солнце. Яркое, словно пряничное солнце на прозрачном морозном небе. Я понял этой ночью, что уже больше никогда не будут «самым», и со мной никогда ничего не случится — «самого».

Вы спросили меня о Скрижалях. Я рассказал сейчас о первой. Я уже рассказывал о ней в книге «Всю жизнь ты ждала». Могу говорить и дальше. Есть она или нет? Судите сами. Но если вы не знаете, что такое потерять свое «я», прогнать его или просто дать ему уйти... Если вы не знаете, какое это счастье освободиться от него — от своего «я», потерять, забыть все эти слова — «самый», «самое», «самая»... Мне без толку рассказывать. Да, Скрижали существуют. Это правда. Что я могу еще сказать?

— *Отказаться от «я»...*

— Да. Мы не должны цеплять за свое «я». Оно — фикция. Подлинно только то, что стоит за нашим «я», то, что «внутри». О душе нельзя рассказать. Что вы о ней скажете? Ничего. Выйдет пустой разговор. Но она — великая ценность. А «я» — это то, о чем можно говорить бесконечно. Что бы вы ни делали, что бы с вами ни происходило, помните главное — за вашим фиктивным «я» стоите *вы*. Вы — больше, вы — необъятны. И если эта истина станет *вашей*, вы перестанете бояться смерти.

— *Первая Скрижаль...*

— Да. Но и у другого человека, кроме его «я», есть он сам. Если вы будете видеть — его, а не его «я», вы навсегда избавитесь от одиночества. А если вы не будете чувствовать себя одиноким, вы перестанете бояться смерти.

— *Это вторая...*

— Да. И видимая реальность — тоже только видимость. И за ней также стоит истинное. И если вы осознаете, что все вокруг вас ненастоящее, но за этим искусственным фасадом, рядом с вами есть реальная жизнь — живая, великая, созидающая, вы перестанете бояться потерять этот «фасад», вы перестанете бояться смерти.

— *Третья...*

— Да. Остается только довериться. Довериться тому, что не способно осмыслить, воспринять наше сознание. Довериться душе, спрятанной за панцирем «я». Довериться другому человеку (Другому), который прячется за своим, по сути — таким же панцирем. Довериться подлинной жизни, живущей за холемым, или не очень, фасадом обыденности. Довериться и начать жить по-настоящему. А если вы живете по-настоящему, вы не боитесь потерять, вы обретаете. Так что не будет и страха смерти.

— *Четвертая...*

— Да. Пятая — о правде. Истина и ложь — это вещи сугубо личные, я бы даже сказал — интимные. Мы лжем, когда лжем самим себе. Когда мы говорим неправду кому-то — это просто слабость, по-русски — малодушие. Подлинная ложь — это когда мы лжем себе. Это от желания быть лучше. А если ты хочешь быть «лучше», значит — цепляешься за свое «я». Душу сделать «лучше» невозможно. А еще это значит, что ты сравниваешь себя с другими. Это страшно, ведь ты не замечаешь их души. Пытаешься манипулировать... И Истина — это то, что у тебя внутри. Когда ты говоришь себе правду о самом себе, ты становишься сильнее. И в этом твоя Истина. А если ты честен с самим собой — не лжешь самому себе и верен своей Истине — ты не будешь бояться смерти.

— Пятая. Теперь шестая...

— Ты нужен. Бояться нечего. Ты нужен. Больше ничего нельзя сказать. Ты или понимаешь это, или нет.

— Ты нужен... Ну, а седьмая Скрижаль? С ней ведь все не так понятно. И вы очень скупно сказали о ней в «Золотом сечении».

— Седьмая Скрижаль — это ключ. Она открывает первые шесть. Она о том, что значит «изменить сознание».

— Расскажите о ней подробнее...

— Ее время еще не пришло.

— Не пришло?

— Да. Прежде нужно прочувствовать сердцем ошибки, которые мы допускаем на пути к Истине.

— Об этом «Тайна печатей»?

— Да.

— Расскажите поподробнее об этой новой серии?

— Я не делю свои книги на серии, поэтому о «новой серии» мне сказать попросту нечего.

— Издательский жаргон. Прошу прощения. Я имею в виду книги «Всадники Тьмы», «Вавилонская блудница», «Иди и смотри». И сейчас, насколько я понял, вы работаете над четвертой...

— Когда я писал «Всадников Тьмы» и «Вавилонскую блудницу», я еще не понимал полностью, что такое Печати. Мне было очевидно, что каждая из Печатей — это некий канал, способ воплощения Зла. Но только после «Иди и смотри» я понял, наконец, что же это на самом деле.

— И что же?!

— Это как бы обратная сторона наших поступков.

— Обратная сторона наших поступков?..

— Да. У каждого человека есть некое идеальное представление о самом себе. Нам кажется, что мы все в своей жизни делаем правильно, что мы хорошие, никому не желаем зла. Правильные, культурные, честные, нравственные. А если мы и делаем что-то «неправильное», так ведь у нас всегда есть на то основания. Если мы насолили кому-то, то, разумеется, «плохому человеку». Если мы не откликнулись на чью-то просьбу, то это просто потому, что были «очень заняты». Если, наконец, мы соврали, то конечно — исключительно «во благо».

— Это правда. «Самооправдание» — предмет, по которому почти никто и никогда не получал двоек. Все — отличники! И я в том числе.

— Мы боимся признаться себе — Тьма есть и в нас. Признать в себе наличие Света и проще, и приятнее. А согласиться с тем, что в тебе Тьма — нет. Но это так. Где ей еще быть? Как вы думаете?.. Она в нас, как и Свет. С этим бессмысленно спорить. В противном случае в нашем мире не было бы ни зла, ни несправедливости, ни страданий. Но Тьма — это ведь не

какие-то конкретные поступки. Мы обидели кого-то, проявили слабость, солгали. Это нехорошо. Но это еще не Тьма. Нет. Тьма заключена в нашей внутренней двойственности. «Двойной стандарт» — так, кажется, называется?

Каждому из нас хочется думать, что он — «за Свет». Это естественно. Конечно! И вот мы спешим встать на сторону Света. Благородно. Похвально. Но мы делаем это, не уничтожив прежде свою собственную темную сторону. Это все равно что заразиться чумой и ходить со всеми целоваться. Вроде и целуем, а вроде и убиваем. Миленько, чудненько. А на самом деле... Да, наша двойственность страшнее пороков, признаваемых «смертными грехами». И вы ведь, наверное, заметили, что книги «Всадники тьмы», «Вавилонская блудница», «Иди и смотри» — другие?

— Да, другие. Я хотел спросить вас об этом, но как-то не решился...

— Знаете, меня это тоже сначала удивило. Книги — я имею в виду. Мне было странно их писать. Я внутренне сопротивлялся. Мне не хотелось говорить о «плохом». Когда я думаю о человеке, я думаю только о его внутреннем Свете. Но потом я вдруг понял, что я просто не имею право отказываться. Это как испытание. Я должен записать это. Я должен участвовать. Книги о Скрижалях — пробуждают. Они несут в себе Свет. Они задевают лучшие струны твоей души. Замечательно! Очень приятно. Хочется еще и еще...

— А книги о Печатях, напротив, словно бы спрашивают с пробудившихся?

— Вы абсолютно правы!

— В христианской традиции говорится, что со вторым пришествием Христа произойдет воскрешение мертвых. Это хорошая новость. Но есть и плохая — далее состоится Страшный Суд. И там будут спрашивать — как следует и за все. Книги о Печатях — спрашивают, да?

— Они словно бы говорят: «Ты стараешься быть лучше других? Похвально. Но ведь это только потому, что ты хочешь власти». Эта тема звучит во «Всадниках тьмы».

Или «Вавилонская блудница». «Ты любишь? — спрашивает эта книга. — Прекрасно! Но ведешь себя как захватчик, как насильник?» Эгоизм может скрываться под любой маской. В том числе и под маской любви. Да, это правда.

В «Иди и смотри» речь о зависти. Страшная тема. Мы склонны приписывать успехи других людей — случайностям. Мы говорим: «Просто им повезло!» Тогда как собственные успехи мы считаем нашей личной заслугой. Почему так? И ведь любое злорадство — это зависть. Злорадствуя, мы закрываем себе путь к радости. Мы уже не можем радоваться чужим успехам, мы лишаемся и собственной устремленности. Это духовное самоубийство.

— Это первые три Печати. Но ведь их должно быть семь, насколько я понимаю. То есть это далеко не полный перечень наших «грехов»?

— Пока я лишь знаю что есть и четвертый. Но об остальных... Возможно, их только четыре. Кто знает?

— И все-таки... Может быть, не стоило говорить об этом? Может быть, действительно лучше говорить о хорошем, о Свете?

— Как можно сделать дом чище, не вычистив его от грязи? Кто-то боится замараться во время уборки? Кому-то не хочется видеть себя «с неудачного ракурса»? Кому-то кажется неправильным говорить о неправильном? Что ж, я вижу в этом стремление быть лучше других, то есть желание властвовать, эгоизм и плохо скрываемую зависть. Кто-то уже отрапортовал о качественной уборке и чистоте своего жилища? Спросите у него, знает ли он, что такое грязь? Пусть перечислит ингредиенты. Если он не ответит вам на этот вопрос, может, те даже не заходить в его дом. Уверяю вас, вы испачкаетесь.

— А что вы посчитаете «чистым домом»?

— Понимаете, легче всего справиться с Всадниками, уронив на зону сгущения Тьмы

атомную бомбу. Но Тьма только этого и ждет. Она в выигрышном положении. Одни готовы закрыть на Нее глаза и сказать: «Нет, это неправда. Мне неинтересно». Другие, напротив, настроены воинственно и непрочь воспользоваться средствами Тьмы в борьбе с Тьмой. Надо ли говорить, что мы проигрываем в любом случае?

Единственный способ победить зло — это идти ему навстречу. Без страха, без сомнений. И не потому, что тебя загнали в угол, а потому что ты не можешь иначе. Не можешь — ни бежать, ни сдаться, ни закрыть глаза, будто ничего нет. В тебе Свет, и ты идешь через Тьму к Свету. Так закаляется чистое сердце. И только чистое сердце может пройти через мглу ада, не оступившись. Это чистое сердце — Данила. Я учусь Свету, глядя на него.

— Если вы позволите, я скажу свое мнение... Когда я читал новые книги — о Печатах, я погружался в текст. Круговерть, напряжение. И вдруг в какой-то момент — как озарение. Я начинал понимать, что движет всеми этими людьми, вашими героями. Очень личное переживание. Меня потрясло то, что я чувствовал. Я видел словно под увеличительным стеклом — их внутреннюю жизнь, их страхи, их боль, их отчаяние. Я видел их порок, я понимал его. И главное, я слышал в вашем тексте их самооправдания. Чудовищные — страшные и правдивые одновременно. Я понимаем, что они думают и как они думают. И поэтому я внутренне не осуждал этих людей (наверное, это было бы неправильно), но с другой стороны — для меня этот опыт . был как прививка. Я как бы внутренне освобождался от этих «грехов». Словно, я не знаю, санация... Очищение.

— Можно я добавлю?

— Конечно. Разумеется...

— Но это срабатывало только в тот миг, когда вы находили в себе частицу, зерно этого «порока», да? Когда вы принимали его как часть себя...

— Да, точно! Когда я отождествлялся с героем! Хоть чуть-чуть, даже чем-то одним — движением, образом, словом. Благо вы даете полную возможность! Конечно, я видел параллели! Сначала пугался, временами мне было даже стыдно, но...

— Я скажу вам сейчас что-то очень важное. В сущности, конечно, ничего особенного, но задумайтесь. Среди прочих, ко мне приходили десятки писем, в которых люди говорили: «Анхель, Скрижаль во мне! Анхель, я чувствую в себе Свет!» Но ко мне не пришло ни одного письма, в котором бы говорилось: «Я чувствую, что у Тьмы есть все шансы завладеть мною». Понимаете? И это тоже правда. Горькая правда о человеке.

Вы писали мне, что вас постоянно спрашивают: «А правда ли то, что написано в книгах?» Забавно. Многие думают, что они хотят правды . Но понимают ли они, что есть правда ? Что правда — она большая. Большинство из нас хотели бы знать только часть правды. Ту, что была бы нам приятна, которая бы нас «устроила». Немногие готовы принять всю правду. Но правда бывает только такой — полной. «Полуправда» — это блеф.

Розовые очки — это страшное оружие Тьмы. Если вы не замечаете зла, вы потворствуете злу. Если вы не видите его в себе, вы служите Тьме. Я прочувствовал это, когда писал «Всадников», «Вавилонскую блудницу», «Иди и смотри». Я прожил собственное стремление к власти, собственный эгоизм, собственную зависть. Тебе кажется, что ты все думаешь и делаешь правильно, что в тебе нет и тени зла. Но...

— Но это уловка.

— Абсолютно. Это уловка. И я борюсь с этим. И все мы должны бороться. Когда я говорю «все» — я имею в виду людей, для которых слово «Свет» это не пустой звук. И говорю о тех, кто готов разбить розовые очки, чтобы быть в правде и следовать правде. Может быть, кому-то это и безразлично, но в конце концов я хочу узнать седьмую Скрижаль. Я хочу этого. А не пройдя через ад Печатей, я этого не узнаю. И если те, о ком я говорю, составят мне компанию, нам всем

будет легче.

Если же вы хотите знать правду, нужно запастись мужеством, потому что вам придется заглянуть во Тьму. И тут только одна защита — твоя личная вера в победу Света. Мы говорили с вами о вере. Я думаю, мы должны верить в победу Света. По-настоящему, искренне. Ведь это еще не определено. И определится ли, не будь в наших сердцах этой веры, этого мужества? Все зависит от нас. От нас с вами. От каждого.

Тайна Печатей — это как очная ставка. Очная ставка с самим собой. Очищение. Кому-то, быть может, кажется, что эти книги несут в себе отрицательную энергию. Но это неправда. Они рассказывают об отрицательной энергии, а рассказывать и нести — это совсем не одно и то же. И как ночь темна более всего перед рассветом, так и чуткие души чувствуют в своих сердцах Свет, когда читают книги Анхеля де Куатьэ. Они душой, своей надеждой содействуют Свету.

Узнаем ли мы обо всех Печатях? Узнаем ли мы седьмую Скрижаль?

Я думаю, это зависит от нас. Просто это нужно понять...

— Анхель, а ваши герои, они реальны?

— Вы шутите?

— В каком смысле? Нет, я не шучу. Я спрашиваю.

— Но вот я сижу перед вами. Я реален?

— Да.

— Вы знаете Андрея лично, вы же издаете его книги. Почему я пришел именно к вам? Ну и... Он реален?

— Да, но...

— И точно также реален Данила. А что? Что вас смущает?

— Насколько мне известно, Андрей не участвует в ваших поисках. По крайней мере, физически... Это невозможно.

— Мне кажется, вы до сих пор не поняли главного. Вот ответьте мне на один вопрос. Вы сами сейчас путешествуете по Вселенной?

— Я? Нет. Я сижу здесь, в своем кабинете.

— А то, что этот кабинет находится в здании, а здание стоит на земле, а земля — это не просто кусок почвы, а планета Земля, и эта планета сейчас бороздит Вселенную, вам в голову не приходило?

— Да, это так. Но...

— Сейчас вы путешествуете по Вселенной. Да. Только вы не отдаете себе в этом отчета. Но это правда. Так и есть.

— Ну, в целом, да. Вы правы.

— И теперь вы говорите мне: «Андрей не участвует в поисках физически». Что значит «физически»? Вы сейчас физически бороздите Вселенную. Это правда. Андрей, на духовном плане, является Паромщиком. «Физически», как вы выразились, он просто оказывает людям психологическую помощь. Но вопрос ведь не в том, что он делает «физически». Вопрос в том, какую помощь вы способны от него принять. Вы можете принять от него психологическую помощь и ограничиться этим. Но если вы задействуете духовный план, он перевезет вас с одного берега на другой. Если вы понимаете, о чем я вам говорю... Два берега реки по имени Судьба.

Когда-то, в самую тяжелую минуту, он сказал мне: «Поверь — то, что любой психолог

назовет твоим изъяном, я считаю твоим исключительным даром. Просто пойми это. Прими этот дар. Не отказывайся». Вот и все. Буквально одна фраза. Но она перевернула всю мою жизнь. До того момента я был скитальцем, несчастным человеком, заплутавшим в трех соснах. Но услышав это и уединившись, чтобы осмыслить услышанное, я стал свидетелем. А сам Андрей — только Паромщик. Он не понимает, какой силой обладает и что делает на духовном плане. И это естественно — Паромщик не знает ни того, ни другого берега. Он между. И в этом его предназначение...

— *Вы об этом писали, когда рекомендовали мне «Книгу Андрея»?*

— Да, абсолютно. Сам Андрей уверен, что он написал «философский текст», «просто философский текст». Он не видит его с духовной точки зрения. Но в этом нет его вины. Его предназначение — говорить на «понятном языке» о том, что не может быть понято разумом. Его предназначение парадоксально, как и все истинные предназначения. Впрочем, разумом его «Книгу», конечно, понять можно. Я видел многих, кто воспринимал ее как «полемику с Ницше» и отдавал ей должное именно в этом качестве. Но, если вы смотрите на нее как на философский текст, вы и видите только философский текст. Чтобы воспринять духовное откровение этой «Книги», нужно читать ее душой, а не рассудком.

Вчитайтесь, попытайтесь понять. Никому прежде не удавалось так рассказать о смерти, притаившейся в наших сердцах.

Каждая наша мысль, каждый поступок, каждое чувство — во всем этом живет смерть. Но «нет смерти в смерти, смерть только в жизни — смерть», — говорит герой «Книги Андрея». Да, мы много думаем, но мы мало рефлекслируем. Мы можем объяснить себе свое поведение, но знаем ли мы его истинные причины? Знаем ли мы, как глубоко сидит в нас червь страха? Андрей открывает нам эту горькую правду. И не только открывает, он и указывает путь. Отдает ли он отчет себе в том, каково истинное значение его труда?.. Какая разница? Главное, что он это делает.

— *С трудом, но, мне кажется, я понимаю, о нем вы говорите. Могу ли я переформулировать это так? У ваших героев есть реальные прототипы, и более того, в реальной жизни они делают то, что описано в ваших книгах. Но в реальной же жизни то, что они делают, выглядит иначе.*

— Да. Но это еще не все. Мои книги не о конкретных людях, они о человеке. Человек — это загадка. Это своего рода матрешка, состоящая из трех «куколок». Человек — это одновременно и дух, и собственно человек, и здравый смысл. Это как бы три разных мира. Если превалирует один из них, то неизбежно возникает дисгармония. Когда я рассказывал о Балансе Силы, я думал именно об этой гармонии — духа, человека и здравого смысла.

Если вам кажется, что все в книгах — чистая, «физическая», как вы сказали, правда, в вас больше духа, чем всего остального. Если же вы думаете, что эти книги о людях, если вы читаете их, как психологические романы, в вас больше человека, нежели всего остального. Если вы полагаете, что все это сплошной расчет и «задача», то здравый смысл погубил в вас живое — и ваш дух, и вашего человека.

— *Правильно ли я понимаю, что есть разные способы прочтения ваших книг?*

— Конечно. Но сейчас я говорю не об индивидуальных способах — кто-то заметил то, кто-то — это, кому-то понравилось — то, кому-то — другое. Нет. Я говорю о том, каково ваше отношение к прочитанному в целом. Если вы верите в книгу, как ребенок в существование Деда Мороза, то вы — «Ангель». В вас господствует «мистицизм». Если вы смотрите на эти книги только как на книги — о людях, о любви, о ненависти и так далее, то вы — «Данила». В вас господствуют «человеческие ценности». Если вы скептически, разбираете все по элементам, раскладываете по полкам и анализируете, вы — «Андрей». То есть в вас господствует

«рассудочность». И то, и другое, и третье не страшно. Но истина открывается лишь в момент, когда все три ваши составляющие, три ваших «героя» — «Анхель», «Данила» и «Андрей» — становятся одним.

— *Это и есть седьмая Скрижаль?*

— В книгах между «Ангелом», «Данилой» и «Андреем» есть постоянное напряжение. Они не понимают друг друга, потому что воспринимают действительность по-разному. Но они любят друг друга, они принимают друг друга, они не спорят, они лишь высказываются и пытаются слышать. Что должно произойти, чтобы они стали *одним* ?.. Вы спрашивали меня о седьмой Скрижали. Я ответил.

— *Получается, что ваши книги — это еще и испытание для каждого из ваших читателей?*

— Мне не нравится слово — «испытание». Никто не проводит никакого исследования. Но если читатель готов что-то узнать о себе... Это как тест — личный, индивидуальный. Полная конфиденциальность гарантирована. Люди видят то, что видят, а не то, что есть. С помощью этих книг вы можете узнать, что видите лично вы. Эти книги — лишь несколько белых листов с разлитой по ним черной краской, завернутых в картонную обложку. Ничего больше. Таинство начинается дальше. Таинство самопознания, самоидентификации. Вот, что может происходить...

Вы открываете книгу и понимаете, что перед вами *откровение*. Вы верите каждому слову. Вы уверены, что все происходит именно так и никак иначе. Теперь закройте книгу. Посмотрите. Перед вами лишь несколько листов белой бумаги, замаранных черной краской, в картонной обложке. «Вы очень хотите верить, — говорит вам книга. — Вы хотите найти источник знания и спасения, который внесет в вашу жизнь определенность и обеспечит вам защиту». В вас выбирает не сердце, а ужас. Вам следует читать эту книгу, думая о «Даниле» и «Андрее».

Вы открываете книгу и понимаете, что вас «обманули». Вы сомневаетесь во всем. Вам кажется, что это «коммерческий проект». Вы сравниваете его с «аналогичными» «коммерческими проектами». Вы думаете о том, как устроен текст, как выстроен сюжет, чем достигается психологическое воздействие на читателя. Вы видите разные «умные мысли» и пытаетесь установить их «авторство». Закройте книгу. Перед вами обычная книга — белая бумага, черная краска и обложка. «Вы не доверяете миру, — говорит в эту секунду книга. — Вы полны сомнений и бесконечно далеки от себя. Вы защищаетесь рассудком, в вас — ужас. Вы несчастны, потому что заглушаете голос своего сердца».

Откройте книгу снова, прислушайтесь к «Анхелю» и «Даниле».

Вы открываете книгу и понимаете, что любовь — это самое главное, что честность — это неперемное условие подлинных отношений, что ненависть разъедает только собственное сердце. И так далее, далее. Вы сочувствуете героям, вы понимаете их. Вы сострадаете им и болеете за их судьбу. Закрывайте книгу, пора посмотреть, что сказала вам книга. А она сказала вам: «Вы ищете простого счастья. Вам хочется, чтобы все в вашей жизни устроилось. Вам страшно, что эта ваша мечта не осуществится. И вы бросаетесь к людям, надеясь, что они вам помогут. Вы ищете других, но не себя». Открывайте книгу, послушайте «Анхеля» и «Андрея». Они скажут вам что-то, что вам очень нужно знать.

Десятки людей рассказывали мне о моих книгах, даже не догадываясь, что я их автор. Поверьте, они рассказывали мне о себе, а не о моих книгах.

— *И все же насколько буквально нужно понимать Скрижали?*

— То, что я написал в книгах — обычная вещь. Знание не предназначено к тому, чтобы его формулировать в конкретных словах. Вот например, есть Тора и есть ортодоксальные евреи, которые понимают ее буквально — по субботам не двигаются с места, носят шляпы в жару и бреют женщин. Но есть и каббалисты, которые говорят: «Понимать десять заповедей, данных

Моисею, как приказы, — это ошибка. В этих заповедях зашифровано сообщение, не имеющее ничего общего с буквальным значением библейских строк. „Десять Заповедей“ — иносказательный термин, который обозначает Десять Сефирот и духовную энергию». Кто-то, вероятно, думает о моих книгах, как ортодоксальные евреи о скрижалях Моисея. Но те, кто способны смотреть поверх очевидного смысла, увидят в них что-то совсем иное, нечто значительно большее.

* * *

Из детских сказок мы узнали, что есть Добро, а есть — Зло. И еще мы узнали, что Добро борется со Злом. Борется и всегда побеждает. Когда мы были маленькими, мы переживали и боялись за Добро. А вдруг Зло все-таки одержит верх?.. Но потом мы привыкли к тому, что Добро всегда выигрывает. И мы потеряли интерес к этой борьбе. Нет «интриги», нет «экшена». Финал предрешен и известен. Скучно.

И я думаю, в ту самую минуту мы начали умирать. Мы вступили на дорогу смерти, когда нам подумалось; «Да нет, там все будет нормально. Можно не волноваться. Все само как-нибудь решится. Добро всегда выигрывает». Привычка верить в победу Добра — милая, хорошая привычка — сыграла с нами злую шутку. Мы внутренне дистанцировались, стали сдержанны и равнодушны. Мы дезертировали.

А что если залог сказочной победы Добра над Злом был именно в том нашем детском беспокойстве, в страхе за судьбу Добра? В той нашей детской вере, решимости, надежде? Что если Добро могло противостоять Злу только потому, что мы болели за него, стояли на его стороне, сами боролись? Вы же помните, как это было.

Возможно, кому-то покажется это наивным, даже смешным, но я скажу то, что думаю. Во взрослом мире слишком мало добра, слишком. Все мы хорошо это знаем. Добро во взрослом мире — диковинка, странность, артефакт. Но не потому ли, что в какой-то момент нам стала безразлична эта борьба? Не потому ли, что мы стали к ней равнодушны? Не потому ли, что нам стало просто скучно?

Книги Анхеля де Куатьэ разбудили нас. Тех, кто еще был способен очнуться. Будда — значит «пробужденный». Христос символизирует собой второе рождение, акт святого воскрешения. И сейчас, во время разговора с Анхелем де Куатьэ, я лишний раз убедился — его книги для тех, кто готов пробудиться. Пробудиться для новой жизни. Жизни, в которой Добро побеждает Зло. Но не потому, что так принято или заведено, а потому что чуткое, великое сердце надеется и болеет за Свет.

Анхель де Куатьэ — самый странный, самый загадочный человек из всех, что встречались мне на жизненном пути. И это не преувеличение. Ничуть. Это истинная правда. Он — тайна. От Анхеля исходит внутренний свет — чистый, яркий, одаряющий. Кажется, что ты говоришь не с обычным человеком, а с человеком из какого-то параллельного мира. Он словно проходил мимо, заметил тебя и заглянул в твой мир. Не зачем. Просто чтобы улыбнуться, поддержать, чтобы дать надежду и силы.

Не знаю, возникает ли это ощущение у читателей Анхеля де Куатьэ, но лично меня оно не покидало на протяжении всей этой беседы — Анхель рядом, он настоящий, и он знает об этой жизни что-то сокровенное, нечто, способное превратить ее в счастливое путешествие.

— Анхель, а могу я задать вам несколько вопросов, которые напрямую не связаны с вашими книгами?

— Пожалуйста. Если это будет вам интересно.

— Разумеется!

— Я завидую вашему воодушевлению! Но неужели вы думаете, что я могу сказать что-то, что в глубине души неизвестно каждому человеку?

— Известно каждому? Вы так действительно думаете?

— А вы сомневаетесь?

— Нет, не сомневаюсь. Конечно. Но...

— Вся беда в том, что человек мало доверяет себе. Он живет с оглядкой, постоянно озирается, сверяется, сомневается — то ли он сказал, так ли поступил, то ли сделал. А как нужно было? И так далее. В нас живет страх, хотя мы и не замечаем этого. Но все знания, которые нам необходимы, у нас уже есть.

— Я пока не понимаю.

— Попробую объяснить на примере книг. Вы согласны с тем, что все возможные слова уже существуют? Вот мы сейчас разговариваем с вами, мы же не придумываем новых слов? Нет. Мы пользуемся теми словами, которые уже есть.

— Не придумываем.

— Теперь представьте себе, что у нашей планеты есть информационное поле. В нем есть все слова. А если есть все слова, то есть и все возможные комбинации слов. А если есть и слова, и все возможные комбинации слов, то есть уже и все книги — все когда-либо написанные, что пишутся сейчас, и которые еще только будут написаны после. Все. Чтобы прочесть ту или иную книгу в информационном поле или записать ее текст для других, вам нужно только настроиться на нее. Понимаете? Сосредоточиться на своем вопросе, почувствовать вибрации и стать тем чистым листом, на который она ляжет.

Возможно, все это кому-то покажется чистой фантастикой, но это действительно так. Информация начинает поступать к нам немедленно, как только мы способны четко поставить вопрос и готовы принять честный ответ. Сейчас я рассказал вам о книгах, но то же самое происходит и с любыми другими знаниями. Они тоже вокруг нас, они принадлежат общему пространству смысла, в котором существует человечество. И единственный способ сделать эти знания своими — настроиться. Открыться тому знанию, которое ищешь, и стать его свидетелем. Вот и все.

— Вы грозите оставить меня без работы, — пошутил я. — Если все начнут читать книги

в информационном поле, то издательства придется закрыть.

— Это вряд ли. Наш доступ к знаниям закрыт теми внутренними ограничениями, которые есть у каждого человека. Подавляющее большинство людей находятся во власти предрассудков. Это предрассудки самого разного характера и свойства. Чтобы выжить в окружающем мире, мы должны мыслить практично — что выгодно, что невыгодно. Чтобы не потеряться в нем, мы должны мыслить противоположностями — право и лево, плохо и хорошо. Наконец, само наше познание — это анализ, то есть разделение целого на части. И все это — наши внутренние ограничения. Но ведь истина никак не связана с нашим желанием выжить. Поэтому для нее все эти ухищрения, уловки нашего ума — лишь препятствия и предрассудки.

Как преодолеть эти внутренние ограничения?.. Для этого и нужны умные книги. Писатели, мыслители — это точно такие же люди, как и мы с вами. Только у них больше внутренней свободы и меньше внутренних ограничений. В этом весь секрет творчества — человек, более свободный внутри, получает доступ к Красоте и Истине. Гении воспринимают Красоту и Истину, ощущают их в обход сознания. Такие люди пишут, создают произведения искусства, просто красиво и глубоко мыслят. Это правильно — учиться у них. Ведь читать умные книги — это значит учиться у свободных людей своей собственной внутренней свободе. Свободе думать, свободе творить, свободе жить.

— *Я писал вам несколько месяцев назад, но вы не ответили. Как вам видится идея моей Библиотеки?*

— Я очень рад! Честное слово.

— *Я подумал о возможности такой Библиотеки, когда получил от вас Книгу Андрея. Мы написали на обложке — «Притча о Человеке». И мне захотелось создать целую Библиотеку книг о Человеке.*

— Это потрясающая идея! Ведь так вы объедините книги, которые редко стоят вместе на книжных полках. В магазинах книги делят по «разделам», а не по смыслу. Когда вы прислали мне список планируемых к изданию книг, я увидел, что хотя все они относятся к разным «разделам», но говорят об одном и том же. Наверное, не всякий читатель художественной прозы регулярно посещает философский и психологический отделы. Но я уверен, что он с удовольствием прочтет философские и психологические книги, вошедшие в вашу Библиотеку. Равно и наоборот. Такой обмен между различными сферами знаний необычайно полезен и важен.

С другой стороны, и ведь не всякий роман рассказывает о Человеке. К сожалению, это и не всякий философ делает, и даже не всякий психолог. А вы собираете именно те книги, которые говорят о Человеке. И как говорят! И хорошо, что вы подробно их аннотируете. Для философских и психологических работ это необходимо, потому что они специальные, здесь нужны пояснения. Но и художественные произведения иногда нуждаются в предложении «точки обзора». Мы ведь заложники стереотипов, и новый взгляд иногда очень помогает взглянуть на известное прежде по-новому. Все это тем более, важно, поскольку происходит в России.

— *Вы думаете, это важно именно для России?*

— Я знаю, что русские люди очень болезненно переживают, когда речь идет об их стране. Одни верят, что у России есть великое предназначение, особая миссия. Другие, наоборот, клянут свою страну — когда видят, что у России много недостатков, что в ней много ужасного, несправедливости, боли. Поверьте, чувства и тех, и других я хорошо понимаю. Но когда я писал в «Схимнике» о России, я имел в виду нечто иное.

— *Что именно? Мне казалось, вы говорите именно о великом предназначении России?*

— В современном мире четыре лидера, четыре сущностных центра. У Запада — Европы, Америки — своя культура, своя цивилизация. У Востока — Японии, Кореи, Китая — своя.

Арабский мир — это третий центр, третья цивилизация. И в каждой из этих культур вопрос «о человеке» решен. Да, он решен по-разному, каждый раз по-своему, зачастую диаметрально противоположным образом. Но он решен! Если вы спросите американца — что такое человек? Он вам ответит: «Человек — это личность». Если вы спросите азиата, и он ответит. Только он скажет, что «человек — это представитель общества». В арабских странах вы также быстро получите ответ. Вам скажут, что «человек — это слуга Аллаха». А вот Россия — это четвертый сущностный центр мира — не знает, что такое «человек». Она еще не решила, не приняла решение. Она пока думает. И если найдет правильный ответ, будущее всего человечества изменится. А не найдет...

— *А вы можете подробнее рассказать, какой он — «человек Востока», «человек Запада»...*

— Не продолжайте. Я не хочу говорить об этом. Бессмысленно обсуждать ошибки. А пока другого у нас нет. Нет цивилизаций, где люди по-настоящему счастливы. Внутри себя. Понимаете?.. Внутри. Таких цивилизаций нет. И следовательно, на вопрос «о человеке» они не дали правильного ответа. Правильный ответ нам только предстоит услышать. Мне бы очень хотелось, чтобы люди в России поняли, насколько велика их роль. Поэтому, когда вы начали подбирать серию книг «о Человеке», готовить свою Библиотеку, я не мог реагировать иначе — только поддержкой. Вы не навязываете никаких мнений, но вы показываете всю палитру. Думающие люди задумаются. А те, кто задумаются, те и узнают правду.

— *Спасибо! Я очень рад, что вы меня поддержали. Я боялся...*

— А вы не бойтесь. Если то, что вы делаете, идет от души — чего бояться?

— *Но разве люди не делают «от души» ничего скверного? Как в известной шутке: «Они жили душа в душу. То он ей в душу, то она ему в душу».*

— Это не от души. Если в вас есть хоть толика ненависти, раздражения, злобы, это уже не душа говорит в вас, это слабость. И даже свет, который вы в себе чувствуете, если он становится «воинствующим» — это уже не душа. И не Свет. Я искренне верю, что в человеке нет Зла как такового. Точнее, все зло в нем наносное. Оно от страха, от зависти, от слабости, от чувства собственной ущербности или несостоятельности. И в этом нет Человека.

— *Но мы снова возвращается к вопросу о Печатах. Если Зла в человеке нет...*

— Я вас перебую. Может быть, самая большая наша беда — это язык. Мы с вами заложники слов.

Они нас путают, они с нами играют. Вот вы сейчас дали прекрасный пример: нет зла, а вроде и есть зло... А давайте подойдем к моим словам по-другому, и вы увидите, что в моих словах никакого противоречия нет. Допустим, что в человеке есть зло, но он с помощью духовной работы от него избавился, что случится с этим человеком? Он умрет, сойдет на нет? Или наоборот, только в этот момент и станет Человеком? Человеком с большой буквы?.. А что станет с человеком, если он избавится от заключенного в нем Света? Как вы думаете?.. Он духовно умрет. Понимаете разницу? Тьма есть в нас, и Свет есть в нас, но мы не Тьма, мы Свет. Тьма есть, но она наносная, это не наша сущность. Наша сущность — Свет. И я пишу о Человеке, о том, кто, избавляясь от наносного в самом себе, обретает самого себя.

— *В этом и есть смысл жизни — обрести самого себя?*

— К сожалению, простые ответы не всегда самые правильные. Если вы не обретете самого себя, что вы можете сделать? Ничего. Вас пока просто нет. Вы ничего не можете предпринять. Поэтому стать самим собой, найти и открыть свой Свет — это только условие, необходимое условие, начальная ступень. Смысл жизни начинается дальше.

— *И каков он — дальше?*

— Когда мы думаем о смысле жизни, мы думаем о том, что у нее есть некая цель, что она дана нам *зачем-то*. «Ведь не просто же так я пришел в этот мир? Не просто же так я родился?»

— спрашивает себя человек. И если вы можете сказать ему: «Нет, не просто так» — вы должны будете и продолжить: «Ты пришел, для того чтобы...»

— *И что? В смысле — для него человек приходит в этот мир?*

— Это неизвестно. Точнее, это нельзя предсказать или объяснить рационально. У каждого человека свое предназначение. Но каково оно? Вы можете сказать, что мое предназначение, например — писать книги. Но я так не думаю. Я не знаю, каково мое предназначение. Я знаю, что у меня есть мой дар. Я должен его принять и жить с ним.

Но в чем конкретно мое предназначение — неизвестно. Возможно, когда-нибудь я скажу какому-то человеку всего пару слов. Но после его жизнь изменится. А из-за того, что изменится его жизнь, изменится и еще одна жизнь, а может быть, и миллион жизней... Неизвестно. Но такое может быть.

— *Вы хотите сказать, что это как цепная реакция?*

— Именно. Но я попытаюсь объяснить. Представьте себе, что мир — это бесконечное множество бесконечно малых взаимодействий. Вот я беру со стола эту ручку... Это взаимодействие. Мы разговариваем с вами — это тоже взаимодействие. Или я пишу книгу, а потом кто-то ее читает — это тоже взаимодействие. Итак, мир — это бесконечное множество самых разных, разрозненных взаимодействий. Но эти взаимодействия, все вместе, имеют результирующий вектор. Наш мир движется в определенную сторону благодаря этому бесконечному множеству самых малых и незначительных, на первый взгляд, взаимодействий. То, что мы сейчас разговариваем с вами, то, что я взял сейчас со стола эту ручку или пишу книгу, или кто-то ее читает — все это, вместе с бесчисленным количеством других точно таких же небольших взаимодействий — создает процесс жизни. Представили это?..

— *Представил.*

— То, что я сейчас беру со стола эту ручку, разговариваю с вами, пишу книгу — все это вещи незначительные. Но они же не существуют во Вселенной отдельно! Вселенная — это мощный поток жизни. И все взаимодействия — мои, ваши, другого человека, множества людей — суммируются. Они накладываются друг на друга, кумулируются, усиливают друг друга или, напротив, — ослабляют и нейтрализуют. Общий поток. Пока понятно?

— *Абсолютно.*

— И поэтому мы не можем знать, какова роль каждого из этих взаимодействий в отдельности. Сила действия не равна эффекту. Например, вы можете потратить уйму сил, чтобы объяснить кому-то очень простую вещь, но он все равно ее не поймет. Или потому что не готов, или потому что обстоятельства его к этому не подготовили. Ну не случайно же в школе сначала проходят математику, а потом только вводят физику и химию. Прежде чем за ученика возьмется преподаватель по физике или по химии, его должен подготовить другой учитель. В данном случае — по математике. Все еще понятно?

— *Понятно, что мы никогда не знаем, каково истинное значение того или иного нашего поступка, потому что он существует в массе других поступков. И понятно, что поэтому сила не равна эффекту. Непонятно пока другое — к чему вы это рассказываете?*

— Не торопитесь. Все правильно. Теперь задумайтесь — вы можете очень стараться, но это не будет иметь никакого эффекта. А можете сделать что-то совсем незначительное, приложить минимум усилий, и это, напротив, приведет к грандиозному результату! И я не знаю, какое мое действие будет иметь огромные последствия, а какое — малые. В свое время меня подтолкнул Андрей. Вероятно, он и сам не заметил этого. Просто сказал то, что сказал, а я изменился, вся моя жизнь изменилась. Я принял свой дар, я пишу книги, которые помогают другим. Но в этом ли мое предназначение? Все еще неизвестно.

Возможно, я вам сейчас скажу что-то, что мне покажется сущим пустяком, мелочью. Но вы,

услышав это, сделаете что-то, что никому из нас до этого и в голову не приходило! Это как снежный ком. Вот например, я пишу книги, вы их издаете. Потом я присылаю вам книгу Андрея, и вы решаете сделать Библиотеку. Кто-то, возможно, не захочет читать мои книги, но его привлечет Библиотека о Человеке. Он прочет какую-то книгу, написанную кем-то третьим, когда-то, по какими-то другим причинам. И жизнь этого человека изменится. А после он повлияет на жизни еще сотен, тысяч людей. Понимаете? Никогда не знаешь, где тебя ждет твое главное «задание».

— *Никогда?*

— Никогда. Это может случиться в любой момент времени. И поэтому жить нужно так, словно ты всегда на самом главном своем задании. Что судьба мира решается именно сейчас, именно тобой и именно в этой точке пространства. Начните жить с этим чувством, и вы увидите, насколько каждый день вашей жизни преобразится. Вы перестаете жить с этой ужасной мыслью: «Может быть когда-нибудь, где-то там — далеко-далеко, при удачном стечении обстоятельств, я сделаю что-то, что придаст моей жизни какой-то смысл. Или, в крайнем случае, сделает ее небессмысленной». Это глупая, нелепая и досадная мысль. Она основана на иллюзии, будто мы знаем, что имеет значение, а что нет. Но это заблуждение, мы не знаем этого. Возможно то, что покажется нам мелочью, будет иметь какое-то особенное значение для будущего всего мира. Вы знаете, почему в 1812 году сгорела Москва?

— *Ну, вероятно, потому, что Наполеон приказал ее сжечь.*

— Это логичное объяснение. Но я думаю, что Москва сгорела в 1812 году и по другой причине. Возможно, маленькому корсиканскому мальчику по имени Наполеон когда-то сказали что-то очень обидное — отец, мать, кто-то из друзей или, может быть, девушка. Может быть, его называли коротышкой? Кто знает? Мальчик обиделся, обозлился. И именно эта злоба повлияла на всю его последующую жизнь. В результате — война, огромное количество жертв, пожар Москвы и его собственное отчаяние. Понимаете? «Маленькая ошибка» и чудовищные последствия.

— *То есть вы хотите сказать, что от любого нашего шага может зависеть судьба мира?*

— Нет. Я хочу сказать, что от *каждого* нашего шага, *каждого* поступка, *каждой* мысли зависит судьба мира. И еще я хочу сказать, что люди, живущие, не зная о своем даре и не реализуя его так, как должно, каждый день, каждую секунду накапливают в этом мире несметное количество таких «маленьких ошибок». И если в результате мы недовольны окружающим нас миром, то удивляться здесь нечему. Странно, что он вообще еще существует. У него поразительная прочность, он выдерживает чудовищную нагрузку наших «маленьких ошибок»!

— *Вы хотите сказать, что каждый из нас ответственен за судьбу мира?!*

— Я хочу сказать, что когда вы в следующий раз почувствуете в своем сердце злобу, и эта злоба толкнет вас на грубость, черствость или еще какую-нибудь «мелочь», знайте, что в результате могут погибнуть миллионы людей, а может быть и весь мир. А когда у вас на сердце будет радость, и вы поделитесь этой радостью с кем-то, скажете кому-то доброе слово, поддержите в трудную минуту, возможно, именно это — одно ваше слово, одна ваша улыбка, один ваш поступок — предупредит войну, спасет чью-то жизнь или даже весь мир. Так что дело даже не в нашей ответственности. Вопрос в том, понимаем ли мы, сколь велика наша собственная роль во Вселенной.

Мы привыкли думать, что каждый из нас живет в небольшом, замкнутом мире — мы знаем нескольких человек, нас знают несколько человек. Но это ошибка. Мы все тесно связаны друг с другом. Абсолютно все! Это легко понять на примере рукопожатий. Сегодня я поприветствовал вас, а вы, в свою очередь, пожали руку сотрудникам своего издательства. Те пожали руки — своим родным, близким, знакомым. Те — еще сотням, тысячам, миллионам людей. И в

результате все мы знакомы — через одно, два, три, ну, может быть, через десять рукопожатий. Но ведь десять — это совсем немного... И точно так же распространяется энергия наших поступков, наших чувств, наших мыслей.

— *То, что вы рассказываете, кажется очень верным. Это производит впечатление! Но это только теория.*

— Теория?.. Может быть. Знаете, я полтора года работал в детском приюте. Одна моя знакомая родила ребенка и ушла в отпуск, чтобы ухаживать за своим грудничком. А воспитателя на ее место не нашлось. И она попросила меня ее заменить. Я не хотел — какой из меня воспитатель? Думал, пойду, поработаю сколько-нибудь, а там уж все поймут, что я никуда не пойдусь, и меня заменят. Пришел, начал работать и не смог уйти.

Это был самый обычный приют на тридцать пять ребят. Но всегда было больше — сорок, а то и пятьдесят. Кто-то сбежал от родителей, кого-то забрали от родителей. Были и настоящие сироты, но все больше при живых родителях. Странно, конечно, но так. Ребята находились у нас временно — пока их родителей разыскивали, или до решения суда — лишение родительских прав, опека. Многие просто ждали у нас распределения в детский дом. В детдома очередь.

Я дежурил — по вечерам, по ночам. И в тот раз было мое обычное дежурство. Вечер уже, поздно. Со мной только санитарка, она же — и уборщица, и буфетчица, и помощник воспитателя. Привозят четверых детей. Соседи вызвали наряд милиции к алкоголикам, на пьяный дебош. Милиционеры застали драку — женщина с ножевым ранением, мужчина тоже с какой-то травмой. Ну, вызвали «Скорую», все оформили. Уходят, и вдруг слышат какой-то шум из кладовки. Отодвинули щеколду, открыли дверь... И заплакали. Мужики заплакали.

В этой конуре жило четверо ребяткишек. Самой маленькой — годик, около того. А старшему — десять. В синяках все, грязные, голодные. Родители держали их как зверей. Хуже... Их даже не выпускали на улицу. Кажется, только старший знал, что такое «улица». Его еще выводили. Остальных — нет. Их миром была эта маленькая, грязная кладовка. Они боялись людей, почти не знали человеческой речи, общались друг с другом на каком-то странном наречии.

Я помню их первую ночь в приюте. Мы оставили у себя старших, младшую девочку сразу же отправили в больницу. Начали кормить — они накинулись на еду, словно ее сейчас отберут. Санитарка в своей жизни многое повидала. Казалось, ко всему привыкла. Но тут на нее как ступор нашел. Она сидела и плакала. И тихо только причитала:

«Совсем звереныши. Совсем... Как же так можно?! Как?»

Потом мытье — дезинфекция. Обязательная процедура. Старший терпел, глядел на меня исподлобья злыми серыми глазами. Двое младших кусались. По-настоящему, до крови. Им было страшно. Думали, может, что я их утоплю? Не знаю. Сколько уже лет прошло, а сейчас вспоминаю, и дрожь в руках. И вот голос дрожит.

Мы разместили их в отдельной комнате. У младшего началась истерика — он кричал, не давался в руки, метался по комнате. Ничего человеческого. Ему четыре года, а он на ногах еще почти не стоял, только на четвереньках. Я запеленал мальчика в тонкое одеяло и долго укачивал. Они уснули только к утру. Я смотрел на них, забившихся в угол, и думал — каким даром наделил их Господь? Какое дал им предназначение? На что надеялся? Чего ждал? Как они могут его выполнить?

Я физически чувствовал, как порвалась в них нить человеческого. В моем сознании рождались образы их родителей. Я видел их такими же — маленькими, нелюбимыми, брошенными, несчастными детьми. Я видел родителей этих родителей, и дальше, дальше назад, в историю. Но я не видел будущего. Сколько я ни силился, сколько ни пытался, я не мог представить их будущее. Каким оно будет у этих малышей? А у их детей? Тысячи «маленьких ошибок» привели к такому результату — человеческие дети потеряли человеческий облик.

Вы скажете — частный случай, случается всякое. Но кем бы мог стать этот мальчик, сложись его жизнь иначе? А его братья? А сестра? Он мог оказаться великим ученым или политиком, изменить направление развития своей страны, человечества. Или может быть, он стал бы простым врачом, спас чью-то жизнь. А у того человека, которого он спас, родилась бы дочь — гениальный композитор. И она бы сочинила музыку, которая пробудила бы в людях Свет. Все это могло быть, но так и не произошло.

Да, вы можете сказать, что все это только теория, что все неизвестно, что может быть, так и задумано. Но я не верю, что кто-то мог такое задумать. Превратить детей в диких животных... Я просто не верю в это. А если этого не могло быть в «плане», значит, это привнесли мы. Все по чуть-чуть, каждый — самую малость. Кто-то что-то кому-то сказал, кто-то что-то кому-то сделал. Кто-то был жесток, кто-то груб, кто-то ленив, кто-то надменен, кто-то озлоблен. Одно к другому, одно за другое. И вот эти родители, и вот эти дети. Понимаете? Это не их выбор, мы с вами — все вместе — это сделали.

И теперь вы меня спрашиваете — влияет ли отдельный человек на судьбу мира? И я говорю — да. Но судьба мира — это не только войны, не только революции, реформы, перестройка. Судьба мира — вот она, здесь, в этих детях. Понимаете — это возможный исход. Так может закончить и наш мир. Все может этим кончиться, если мы не одумаемся, не изменимся, не встанем на сторону Света. Понимаете? Мы, каждый. Я путано говорю? Да? Вы молчите?..

— Просто не знаю, что сказать. Я потрясен. Потрясен вашим рассказом.

— Мы должны научиться видеть большое в малом и малое в большом. Если научимся, то спасемся. Если нет, то... не научимся.

Я слушал Анхеля де Куатьэ как замороженный. То, что он рассказывал, и то, как он рассказывал — о смысле жизни, о нашей роли во Вселенной, о значении наших поступков, мыслей и чувств, — удивляло, потрясало и вдохновляло одновременно.

И снова то же странное ощущение, как и когда читаешь его книги, — кажется, будто обо всем этом ты и сам уже когда-то думал. Что все это ты и сам когда-то чувствовал. Но правда в том, что понимать, осознавать это ты начинаешь только сейчас — или читая книги Анхеля, или общаясь с ним лично, лицом к лицу. Быть может, в этом и заключен его талант?

Говорить нам то, что мы и сами знаем, только не знаем, что мы это знаем.

Но мы ведь знаем... И только поэтому узнаем.

— Вы обмолвились несколько раз... Вы сказали — «слабость».

— Да, слабость души.

— Расскажите подробнее?

— Нет. Четвертый Всадник расскажет.

— Это четвертый «грех»?

— Мы все это скоро узнаем. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

— Хорошо. Но раз уж мы об этом заговорили... Я снова думаю о Всадниках. Почему людям все-таки следует заглянуть во Тьму? Почему недостаточно думать просто о Добре, о Свете, чтобы Добро и Свет победили? Или все-таки достаточно?..

— Недостаточно.

— Но ведь у вас в книге «Учитель танцев» очень четко написано: счастье и страдание находятся на двух разных полюсах, к ним ведут две разные дороги. Каждый человек сам выбирает дорогу, по которой ему идти. И если выбрать дорогу к счастью...

— Вы сейчас все спутали.

— *Все спутал?*

— Да. Счастье и страдание — это наше восприятие окружающего мира. А Свет и Тьма — это то, что в нас. Вы можете выбрать дорогу к счастью, но, если в вас еще жива Тьма, вы далеко не уйдете. Печати — это препятствия на Пути. Я уже говорил об этом. Хорошо, что нам известны Скрижали, но мы просто не можем ими воспользоваться, пока не отыщем в себе «беса» и не расстанемся с ним.

В Евангелии от Луки есть такая притча. Однажды Иисус был со своими учениками в лодке. Они переплывали озеро, и начался шторм. Ученики перепугались и стали молить Учителя о спасении. Тот проснулся от глубокого сна и остановил ветер. Вода успокоилась, наступила тишина.

«Где же вера ваша?..» — спросил Иисус, глядя на учеников.

А они молчали, не отвечали. И лишь шептались друг с другом:

«Кто же это такой, что ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?»

Наутро Иисус с учениками сошли на берег и увидели там человека — обнаженного, безумного, жившего, как говорит Библия, — не в доме, а во гробах.

Юродивый упал к ногам Иисуса:

«Что Тебе до меня, Сын Бога? За что Ты мучишь меня?»

И тут Иисус увидел, что в этом человеке бесы.

«Как имя твое?» — спросил Иисус.

«Легион», — ответил Ему тот, потому что бесов в нем было много.

И Иисус изгнал их. Они напали на свиней, а те бросились с откоса в воду и потонули. Сделав это, Иисус пошел к лодке, чтобы отплыть.

«Иисус, возьми меня с собой!» — попросил прежний юродивый, который стал теперь здоровым и счастливым, и даже, как говорит Библия, — «одетым». Иисус улыбнулся и сказал: «Нет. Возвратись в свой дом и расскажи всем, что сотворил тебе Бог».

И этот человек пошел проповедовать. Вот и вся притча. Каждый понимает ее по-своему — ведь это *притча*. Я расскажу то, что вижу. Быть может, кто-то видит иначе.

Я вижу апостолов, которые до момента воскрешения Христа не понимали Его, не верили в Него и не были с Ним по-настоящему. Все они — хорошие люди. Но беда их в том, что они еще и хотели быть хорошими. А чтобы узреть Бога, не нужно быть хорошим, нужно быть честным с самим собой.

«Где же ваша вера?..» — говорит им Иисус. Разве можно быть в одной лодке с Богом и бояться смерти?! Но они были, и они боялись. А вот на берегу их встречает юродивый, который ничего не знает об Иисусе, и еще он «плохой» — в нем бесы. Но Он узнает Христа и говорит правду.

«Как твое имя?» — спрашивает Иисус.

И тот отвечает: «Легион».

Он говорит правду. В нем много бесов, они его мучат и терзают. Но он не сдается и не молит о пощаде. Он лишь спрашивает — что я сделал не так, Иисус, за что меня мучают бесы?

И что же отвечает Иисус? Ничего! Мы не слышим из Его уст ни нравоучительных бесед, ни объяснений причин и следствий, ни проклятий и ни пророчеств.

Иисусу достаточно было одного этого признания.

«Как имя твое?» — спрашивает Иисус. «Легион», — отвечает Ему человек.

И Он — Господь — изгоняет из нечестивого бесов. Потому что бесы есть в каждом. Они есть во мне, в вас, в любом человеке. Они были и в апостолах. Это темная сторона души — эгоизм, воля к господству, зависть, слабость. Они есть в каждом.

И теперь я спрашиваю себя — кто был первым проповедником Христа? Апостолы? Нет. Его первым проповедником стал тот, кто признал в себе темную сторону. Кто не хотел быть хорошим, но был честным. Бесы падают в бездну с диким ревом и криком. А человек, бывший до того их пристанищем, «сидит у ног Иисуса» — так именно и сказано в Евангелии.

«Иисус, возьми меня с собой!» — просит он.

А Бог улыбается и отвечает:

«Нет. Возвратись в свой дом и расскажи всем, что сотворил тебе Бог».

Человек просит Господа, в которого он верит всем сердцем, всей душой. Он просит Господа: «Возьми меня с собой!» Но Тот говорит: «Нет». Христос говорит: «Нет», потому что Господь и так уже с ним — с этим человеком.

Ученики все еще колеблются, а этот человек, сказавший всего лишь один раз: «Легион», уже не сомневается, не прячется и не ищет защиты. Он идет проповедовать, что сотворил ему Бог. А кто хочет быть хорошим, «без бесов», тот еще трижды отречется от Него.

— *У меня возникло желание вновь перечитать первые три книги о Тайне Печатей. Я вдруг понял, насколько это важно.*

— Я уже говорил вам, что когда писал эти книги, еще и сам не понимал до конца, о чем они. Со Скрижалями было легче. Я всякий раз знал Скрижаль, о которой писал книгу. Здесь все по-другому. И только теперь я сам начал понимать, сколь великое и всеобщее значение имеют Печати. Поначалу мне казалось, что я просто записываю истории. Что мы, как можем, препятствуем воплощению Тьмы, а я делаю своеобразные хроники. Но только теперь я начал понимать, что писать нужно было не о самих Всадниках. Нужно было писать о том, что происходило со мной, с Данилой, с Андреем, с Гантенем. Ведь до поры до времени имя каждого из нас: «Легион». Но сделанного не воротишь. Я буду думать, как это исправить.

— *Как раз я хотел спросить вас об этом. Если следовать Откровению, то Всадников Апокалипсиса всего четыре. У пятой, шестой и седьмой Печати нет Всадников.*

— Совершенно верно.

— *Так что же будет после четвертой книги?*

— Не знаю.

— *Но это тревожит...*

— Мы идем туда, где еще не были. Это и есть развитие. А когда идешь дорогой, которой еще не ходил, никогда не знаешь, что за дальним горным склоном — Другая гора, череда гор или уже та долина, ради которой ты и отправился в путь. Дорога домой всегда кажется короче, потому что ты ее знаешь. Но мы идем-то домой... Мы идем к самим себе. Просто мы забыли свой дом, забыли дорогу. Думайте, что вы идете домой, и вам будет легче. «Возвратись в свой дом и расскажи всем, что сотворил тебе Бог». Дорогу осилит идущий.

— *Спасибо вам! И еще я хотел у вас спросить... Сейчас вы процитировали Библию. Но в ваших книгах упоминаются и буддизм, и ислам, и иудаизм, и многие другие религии.*

— Вы так смотрите на меня, словно собираетесь узнать о моем вероисповедании и не решаетесь.

— *Да, я боюсь, может быть это какой-то глупый вопрос?*

— Он идет от сердца?

— *Вы так смотрите... Забавно вам. Нелепый, да?*

— Так от сердца или нет?

— *Нет, не от сердца. Просто — любопытство. Все спрашивают, говорят. Многие поначалу решили, что вы буддист, потом передумали. Глупо, конечно, Я понимаю. Не отвечайте. Не надо.*

— Я уважаю все религии. Но если Бог есть, то Он один. Да?

— *Разумеется.*

— *Один на всех, да?*

— *Да.*

— *Точно? Никого не будем лишать Бога?*

— *Ради всего святого, не смущайте меня! И не смешите! Да, глупый вопрос. Я все понял...*

— *А если Он один, скажите мне — что значат все эти различия в ритуалах, правилах, установлениях?*

— *Ну... Это традиции.*

— *Да, конечно. Но что это значит?*

— *Ну... Я даже не знаю. Что это может значить?*

— *Это значит только одно — разные люди увидели Бога по-разному. Ничего больше. Когда же люди молятся — христиане, буддисты, иудеи, мусульмане — они обращаются в своих молитвах к Богу, а не к тому, что кто-то увидел или придумал. Вот и все, что я могу вам сказать.*

— *Спасибо.*

— *Вспомните слова Источника Света. Каждый из нас — маленькая частичка большого. Мы принадлежим единому, исполненному любви и доброты Свету. А Тьма это — только материя. Ничего больше. У нее нет собственной силы, власти, средств или плана — это пассивная масса. Правда, она делает нас тяжелыми. Ну что ж? Значит так. Души, пришедшие в этот мир и обретшие тело, не могут летать. Это правда. Материя тянет нас к земле. Наше тело — материя, наш мозг — материя, все вокруг нас тоже материя. Но в ней, самой по себе, нет ничего плохого, ужасного или крамольного. Тела могут быть красивыми, мозги — умными, мир вокруг нас — удивительным. Вопрос в том, как мы всем этим распорядимся. Красота тела может стать оружием в руках эгоиста. Помните «Вавилонскую блудницу»? Умные мозги — разрушительной силой в руках людей, стремящихся к господству — это «Всадники Тьмы». В «Иди и смотри» удивительный мир становится декорацией, на фоне которой зависть убивает жизнь. Но, что бы там ни было, проблема не в самой Тьме, проблема в том, как мы используем свой шанс служить Свету, быть Светом, нести Свет.*

Акт подлинной веры, как я думаю, состоит в том, чтобы всегда помнить, кто мы и откуда мы. А мы — Частицы Света, мы рождены, чтобы преображать Тьму. Мы пришли в этот мир, чтобы сделать его счастливым, прекрасным, исполненным нашим Светом. Каждый, кто пробовал преображать Тьму, знает, насколько это трудно. Материя искушает, внушает страх, лишает свободы. Но скоро, я надеюсь, у нас будет противоядие. Мы узнаем, как открыть свой Свет и как сопротивляться Тьме. А пока нам остается только любить. Ведь истинная любовь открывает Свет даже самых заблудших душ.

Не знаю, как эти мысли воспринимаются с листа. Можно ли, читая эти строки, почувствовать то, что пережил я? Не знаю. Но очень надеюсь, что можно. Когда я слушал Анхеля, видел его добрые, светлые глаза, его замысловатая теория об Источнике Света, о материи и Тьме стала мне вдруг абсолютно понятной. Словно по-другому и быть не может.

Когда же Анхель рассказывал мне притчу о юродивом, кровь стыла у меня в жилах, а по спине бежали мурашки, настолько остро я прочувствовал его слова: «Имя каждого из нас — „Легион“». А когда он сказал эту старую, кажущуюся избитой фразу: «Дорогу осилит идущий» — вы не поверите, но я хотел встать и пойти. Я был потрясен и обескуражен.

Признаюсь, в душе я надеялся на многое, но эта встреча превзошла все мои ожидания.

— В своих книгах вы так убедительно пишете о любви... Вы любили когда-нибудь так, как любят ваши герои?

— Древние греки вывели основной принцип красоты, ее главное условие.

— Какое?

— Асимметрия.

— Асимметрия?

— Да. Все красивое асимметрично, чуть-чуть, слегка. Правая сторона красивого лица обязательно хоть немного, но отличается от левой. Симметричное лицо, если искусственно создать такое изображение, непременно покажется вам уродливым. Мы только думаем, что симметрия прекрасна. Но на самом деле она чудовищна. Она мертва. А любовь — это самое красивое чувство.

— Вы замолчали.

— Мы все мечтаем о взаимной любви. О симметрии в любви. Мы хотим, чтобы нас любили так же, как мы любим. Чтобы к нам испытывали ту же силу любви, какую испытывает наше любящее сердце. Чтобы на любовь-страсть нам отвечали любовью-страстью, а на любовь-дружбу — любовью-дружбой, на любовь-уважение — любовью-уважением. Но любовь всегда асимметрична. Вы испытываете страсть, а с вами дружат. Вы дружите, а к вам горят страстью. И даже если все правильно — страсть с одной стороны и страсть с другой — все равно, что-то чуть-чуть неправильно. Не та сила. Не та вера. Не та глубина. Не та правда чувства. Все люди разные. И любимый мною человек никогда не будет любить меня так же, как люблю его я. Просто потому что мы — *разные*. Даже если он любит меня по-настоящему, он будет любить меня как-то по-своему. Это хорошо. Но... Понимаете, о чем я говорю?

— Вы хотите сказать, что, когда мы говорим о «взаимной любви», мы думаем о симметричных отношениях в любви, а это невозможно?

— Да. Любовь, если она любовь, может быть только красивой, а все красивое асимметрично. Но любовь, в которой нет симметрии, проникнута болью. Она — как вечное стремление к недостижимому идеалу. Может быть, в этой трагичности и есть секрет ее красоты. Подлинная красота?

— Любовь красива болью, которую она причиняет сердцу? Странная мысль. Но очень точная. И страшная...

— Вы спрашиваете, любил ли я? Я любил. Мне было четырнадцать. Ей — тридцать шесть. Двадцать два года разницы. Она могла бы быть моей матерью. Она так и говорила: «Ты для меня как ребенок. И твое чувство — тоже детское. Пройдут годы, у тебя появится опыт, зрелость, и ты поймешь, что любовь — это другое». Годы прошли. Годы имеют такое свойство...

— Она была права?

— Нет. Спустя годы я понял, что именно то чувство было истинным. Лишенное опыта, лишенное зрелости, лишенное понимания, оно было настоящим. Да — наивным. Да — глупым, смешным, может быть, даже нелепым. Но настоящим. Вы не поверите, но я до сих пор помню запах ее волос, ее нежный, ласковый голос. Правда. Я помню, как она смотрела на меня... С жалостью и состраданием. Это обижало... Глупец. Только теперь я понял, что эта печаль в ее взгляде была вовсе не жалостью. Точнее — жалостью, но не ко мне, а к себе. Ведь она безнадежно мечтала обо мне. Но не о том — желторотом. А о том, которому тридцать, сорок, даже пятьдесят. О том, которого не было.

— Вы не пытались найти ее? Потом?

— Она умерла. Спустя несколько лет. От рака.

— Я сочувствую...

— Мы могли быть счастливы с ней эти несколько лет. Четыре года. Четыре года счастья.

Много это или мало?

— *Наверное, все-таки много. Да и смешно было бы торговаться...*

— Четыре года счастья — это вечность! Но она испугалась, а я еще был слишком мал, чтобы чувствовать себя уверенным. Когда один из двоих боится, другой должен быть уверен — полностью, абсолютно. Если ты уверен, ты можешь сделать недостающий шаг — и свой, и за того, кто испугался. Счастье нуждается в уверенности. Счастье сторонится испуганных. Кто знает, быть может, вместе мы бы справились с ее болезнью? Может быть.

Знаете, я иногда ощущаю на себе тот ее взгляд. Внезапно, случайно, в самых неожиданных местах. Просто на улице, в толпе. Или в парке, на прогулке. Или, например, в лифте. Да, не смейтесь. Я захожу в лифт и, чувствую, что она смотрит на меня — сзади, со спины. Как она умела — нежно и с великой тоской. Я поворачиваюсь — резко, стремительно, чтобы поймать, схватить, застать ее взгляд. И... Пустота. Кажется, будь я проворнее, еще бы одно мгновение, сотую долю секунды... Но нет.

— *Да, действительно, будущее нам неизвестно.*

— Да, неизвестно. Но беда не в этом, беда в том, что мы не ценим, не понимаем, не видим своего *настоящего*. В этом беда. А то, что будущее неизвестно — что с того? Его еще нет. Как можно о нем печалиться? Как можно оплакивать нерожденного? Наше настоящее делает наше будущее, но для этого оно — наше *настоящее* — должно быть.

— *Мне показалось, что вы чувствуете свою вину? Или нет.*

— Вину? А что такое «вина»? Если вы приглядитесь к ней повнимательнее, то поймете: вина — это удовлетворенность прошлым. Вина — это желание вернуться в свое прошлое и переделать его. В сфере духа вы можете вернуться в прошлое, это правда. Но физически вернуться в него вы не в состоянии. А жить нужно так, чтобы дух пребывал в жизни. Понимаете? Духу удобнее в Духе, конечно. Но актом рождения мы откомандированы в материю. Здесь наше место, мы должны принять эти правила. И делать настоящее вечным, а не пытаться воскресить безвозвратно ушедшее от нас прошлое. А к Духу мы все еще вернемся, но *Там* все будет по-другому. И *Там*, кстати, тоже нет вины. Только уже по другой причине.

— *С тех пор вы больше никогда не любили?*

— С тех пор? Любил. Конечно. Всегда по-разному. Всегда по-другому.

— *Скажите, а любовь учит? Как вы думаете?*

— Учит? Не знаю. Я думаю, что каждая любовь — это *новая жизнь*. Данте назвал так свою книгу о Беатриче. Позже он посвятит ей «Божественную комедию». Но первая его книга о возлюбленной Беатриче называлась — «Новая жизнь». И я думаю, что каждая любовь человека — это как бы новая жизнь. Когда ты влюбляешься, все, что было в твоей жизни прежде, словно покрывается какой-то дымкой, пеленой времени. Кажется ненастоящим, случившимся с кем-то другим. У меня были разные жизни.

— *А вы верите в вечную любовь?*

— Точно так же, как и в вечную жизнь. На духовном уровне — да, на физическом — нет. Но если вы спросите меня об истинной любви в этой жизни, то я скажу вам, что истинная любовь — это *Забота*, Не страсть, не физическое влечение и даже не духовная близость. Истинная любовь — это естественная, спонтанная, лишённая всякой иной цели, искренняя потребность заботиться о любимом.

Говорят, что любовь к родителям, к детям, к супругам, к друзьям, к родине, к Богу — это разные типы любви, что они принципиально отличаются друг от друга. Это и так и не так. Ведь что-то их объединяет, раз мы всякий раз говорим о «любви». И это что-то — *Забота*, естественная, ничем более не обусловленная потребность заботиться о любимом человеке, о родителях, о детях, о друзьях, о родине, о Боге.

— *Потребность заботиться о Боге?*

— А вы как думали?! Конечно! Мы живем с убежденностью в том, что Бог должен заботиться о нас. Но почему мы не думаем о том, что это мы должны заботиться о Боге? Не Он, а мы.

Неожиданно раздался странный звук. Анхель достал из кармана пиджака мобильный телефон:

— Сейчас буду, — сказал он кому-то и отключился.

Я растерянно посмотрел на него:

— Вы уже...

— Да, мне пора, — он лишь качнул головой в знак прощания.

Я машинально встал, хотел проводить его.

— Нет, не надо. Не провожайте, — Анхель пожал мне руку и быстрым шагом прошел к двери, но на пороге остановился, обернулся, посмотрел мне в глаза и добавил: — Я никуда не уйду. Я рядом.

Дверь за Анхелем закрылась. Я кинулся к окну, надеясь увидеть, как он выходит из здания, просто увидеть, запечатлеть в памяти, понять, в каком направлении он пойдет. Прошла минута, другая, третья, еще. Мы проговорили несколько часов, а я и не заметил, как пролетело время. Но сейчас время словно остановилось. Люди входили и выходили из здания. Прошло много времени, но Анхель так и не появился. Словно растворился в воздухе, пропал, будто и не было его вовсе. Видение, мираж. Но он был, он настоящий! Самый что ни на есть...

И каким нелепым, бессмысленным показался мне в эту минуту мой главный вопрос: «А правда ли то, что написано в ваших книгах?» всю правду я знал с самого начала — этот человек пишет потрясающие книги, и это потрясающий человек — мудрец, знающий и любящий людей. Да и какую «правду» я ищу? Мы проговорили с Анхелем несколько часов. И только сейчас я, наконец, понял, о чем он мне говорил, что втолковывал, отвечая на каждый мой вопрос. А все это время он говорил одно и то же — ищите себя, помогите себе, будьте собой.

И мне почему-то вспомнилась фраза из послания Ричарда Баха своим читателям: «Право читателя заглянуть за маску писателя заканчивается на последней странице любой книги, написанной им». Что ж, пусть будет «маска». Читая книги Анхеля де Куатьэ, мы узнаем его душу, а зная душу, зачем знать лицо? Кто, имея богатства, просит на паперти подаяние?